

НИКОЛАЙ АРСЕНЬЕВ

Эмиграция на фоне России*)

1.

Только так — на фоне России — эмиграция и интересна; только так она себя понимает как некое целое; только так она имеет историческое значение, имеет призвание культурного и морального характера: не как масса беженцев. Пусть огромное большинство эмигрантов — беженцы, спасавшие свою жизнь и жизнь своих близких; но это их беженство во множестве случаев связано или было связано с мыслью о России, более того, во многих и многих и, может быть, решающих случаях — с чувством ответственности за Россию, с желанием помочь России и родному народу, с мыслью о *служении* России. И это как раз делает беженцев — эмигрантами, это образует *эмиграцию* в ее неразложимом двойном облике: это — беженцы, желающие послужить России, некоторые из них даже с готовностью *отдать свою жизнь за нее*. И это придает или придавало эмиграции некую — не всем ее членам, но многим, и притом руководящим духовно — некую, повторяю, *героическую* закваску. И закваска эта распространялась — могла, во всяком случае, распространяться и освящать и захватывать и мирную работу эмиграции, которая *становилась работой для России, для будущей, но и для нынешней России* (ибо нет непроницаемой «таможенной» преграды для духовного воздействия даже и на царство «железного занавеса»), служением России, более того — участием в служении русского народа миру.

Русский народ связан по рукам и ногам (но не совсем), и рот ему заткнули (тоже не совсем смогли); и вот мы, беженцы, спасшиеся из «плена», раскрываем всему миру глаза — в очень скромной, недостаточной, несовершенной и слабой степени — на духовные богатства, созданные и накопленные русским народом в течение многих веков, более того — создаваемые и накапливаемые им и теперь там, по ту сторону, под игом мертвящей духовной власти. Ибо связь наша неразрывна — и в богатстве культурном, и в бедности материальной (хотя теперь эмиграция материально стала несколько богаче), и в страдании, и в солидарности (не с властью нынешней, а с русским народом), и тоже в подвиге (особенно незримом), и в жизни духовной. Поэтому эмиграция говорит миру от имени *духовных сокровищ* русского народа, от имени вкладов его в мировую сокровищницу культуры. В связи с этим и определяется более ясно и выпукло мировое значение русской эмиграции, поскольку она — на фоне России, на фоне духовной жизни России, т.е. поскольку она участвует в этой духовной жизни и в этих духовных сокровищах — *попираемых, но живых*.

2.

Военный подвиг людей, сражавшихся за Россию против большевиков и ушедших потом в эмиграцию, всем известен. Они спасли честь русского народа. Но забывается иногда очевидный факт, что без них, т.е. без участия Врангелевской армии и других Белых армий, и без их вождей, эмиграции, т.е. той, которая создалась, *такой* эмиграции не было бы. Дух уже теперь чисто идейной, духовной борьбы за Россию и острого интереса к судьбам России (даже когда всякая внешняя борьба кончилась и

всякие попытки тайных проникновений в Россию для низвержения власти были оставлены) жив и донныне во многих кругах эмиграции, несмотря на поглощенность эмигрантов насущными заботами о заработке и пропитании младших поколений. Интересы духовные — там, где они есть (а они очень распространены среди эмиграции, больше, чем иногда это принято думать) — становятся порой очень многосторонними, переплетаются с влияниями положительными или отрицательными окружающей среды, и получаются картины очень разнообразные и разнородные русской эмиграции в Европе, Новом Свете и на других материках. Но все же черта эта встречается с большой настойчивостью и встречается повсюду, где эмиграция себя хотя *отчасти* чувствует эмиграцией: именно — внутренняя связанность с Россией и ее судьбами. И прежде всего — через участие в *жизни Церкви*.

Никакие статистические данные, географические указания, перечни церковных и вообще религиозных учреждений, перечни имен не могут дать соответствующего действительности представления о значении этого фактора, идущего в глубину, захватывающего душу, проникающего через преграды; фактора, часто внешне неуловимого и нескороенимого, несмотря на усилия надсмотрщиков и тюремщиков — имею в виду, конечно, советских. Ибо в религиозной жизни есть общение и через преграды и помимо тюремщиков. Мы, православные христиане, здесь находимся в живом и реальном общении с православными христианами там, вопреки всем разнобоям юрисдикций. Это есть сила мистическая и моральная и глубоко реальная вместе с тем. Ибо она влияет и на души людей и на судьбу народа. И большевики поэтому ее крайне боятся. Казалось бы, с их точки зрения, это — только суеверие; чего же боятся? Но они боятся и, пожалуй, не меньше, а больше за последнее время.

Тут, в религиозной жизни, эмиграция общается невидимо со значительной частью русского народа там, и, вместе с тем, она является — как бы от его имени (сам он безгласен) — свидетельницей о тех духовных сокровищах, которые он унаследовал, которые он развил и за которые многие там, в Советской России, продолжают, в буквальном смысле слова, отдавать свою жизнь. Их безмолвное свидетельство в гонениях и лишениях подкрепляет наши теоретические и словесные свидетельства о сокровищах духовной жизни.

О чем же это свидетельство и почему оно важно? Это свидетельство — древне-христианское, перво-христианское — о спасении мира. Свидетельство о *прорыве* Божиим в мир и историю, прорыве милосердия, бесконечно, безмерно себя отдающей и спасающей любви Божией, в крестном подвиге и победе Сына, и о действии этой силы в мире. Там они — избранные исповедники — свидетельствуют об этом в притеснениях и гонениях; здесь мы тоже этим живем и подкрепляемся духовно общением с исповедниками и тем самым свидетельствуем миру о страждущей Церкви Российской — нет, не о ней, а о Том, о Ком она сама среди притеснений свидетельствует, и Кто раскрывается людям в страданиях и гонениях и, вместе с тем, как Победитель.

*) «Возрождение» № 191, Париж, ноября 1967.

В наше очень напряженное время очень остро для всех, во всех странах, ставится вопрос о смысле мира и истории, о возможности гибели нашего мира или, по крайней мере, всей нашей земной цивилизации. Как на это ответить — на тот глубокий пессимизм, который охватил широкие круги образованных и полубразованных людей и особенно широкие круги современной молодежи? Это, например, та проблема, которую глубоко ощутил и Папа Иоанн XXIII и 2-й Ватиканский Собор. Главный вопрос, поставленный современным миром, есть: в чем спасение мира? И ответ был не обычный, схоластический, взятый из учебников, а живой, взятый из апостольской проповеди: в прорыве милосердия Божия в лице Единородного Сына Божия. Ни в чем другом нет спасения. Об этом гласят песнопения православной Церкви, трепетно склоняющейся перед таинством Искупления; об этом свидетельствует и плененная русская Церковь, страдающая за Христа и мужественная в своем страдании (но порой очень тяжело ей бывает).

И тут эмиграция является свидетельницей о живом свидетельстве русской Церкви, является живой участницей в духовной жизни русского народа.

3.

Эмиграция есть вместе с тем тот уголок, «оазис» или островок, где можно свободно заниматься изучением русской культуры, ее истории, ее сокровищ. Нет здесь ни заднего фона русской природы, ни предпосылок прежней русской жизни (последней нет и в Советском Союзе); мало — а теперь почти нет — русской аудитории. Про русское ученого или критика, читающего теперь доклады о ценностях русской культуры, можно почти повторить слова Гете: «Mein Lied ertönt der unbekanntten Menge, Ihr Beifall selbst macht meinem Herzen bang» («Моя песнь звучит для незнакомой толпы, Даже ее одобрение стесняет страхом сердца»). Какие минусы! И все же: есть *воздух свободы*. Хотя и не многим читать, но я свободен читать, но я свободен читать и думать, и писать, и говорить. Печатают?.. Печатают труднее, но все же можно. Но для кого писать, творить, читать, печатать? Раньше кадры эмиграции были широкие, теперь же мало кто приходит на русские лекции; книги русские, в общем, медленно расходятся в эмиграции. Писать, думать, творить или говорить перед небольшой группой слушателей — для России в нас и для России там, и для будущей России. Это все — семена, бросающиеся наугад, но некоторые дадут ростки и притом — на родной почве. Не сразу, но через ряд передаточных пунктов каким-то путем дойдут они до родной земли: например, оплодотворяя душу здесь находящихся, которые передадут это дальше. Мы включаемся, таким образом, нашей скромной, очень скромной эмигрантской работой в великий поток русской *динамической традиции*. Это есть то, чему всякая культурная работа призвана служить: творческая традиция, укорененная в прошлом, в лучших, живых, продолжающих его проявлениях, и направленная к будущему, ведущая к будущему.

Все истинно-творческое, совершающееся, создаваемое и созданное в русской эмиграции (от творений Рахманинова до философии Франка и до изумительных изобретений Игоря Сикорского) так или иначе связано с *Россией*, из этой связанности с ней черпает в значительной степени свои силы, свои творческий импульс и огромную часть своего вдохновения. Под *Россией* разумею здесь не этническую основу или подоснову только, не государственную только величину, иногда крайне националистически и агрессивно воспринимаемую (т.е. соединенную с идеей насильственного захвата других народов, что приемлется в значительной степени советской идеологией и советской практикой), а некое целое, имеющее свое *духовное* лицо, свое предание, свою своеобразную жизнь, свои *святых*, своих предков, своих героев, своих носителей свободного творческого духа. И все это живое целое, своеобразное, отличное от окружающих народов (и вместе с тем во многом духовно связанное с ними), питается духовно из

того, что *выше отдельного народа*, выше не только искаженного национализма, но и национальности вообще; питается, повторяю, из того, чему народ (и все народы) призван служить своими силами и способностями во всем своем столь ценном и дорогим нам своеобразии — из Высшей Правды, из высшей и вечной Цели всего существования. Вот этой Высшей Правде, которой служили, например, великие классики русской литературы XIX века, проповедывавшие жалость и милосердие к человеку и высокое духовное достоинство всякого человека (пусть падшего, пусть с затемненным, но все же с сокровенным, не могущим пробудиться образом Божиим в душе), вот этой Высшей Правде как исконному вдохновению русской (и не только, конечно, русской) культуры призвана послужить русская эмиграция. Это творческое указание на Высшую Правду, этот зов к ней подавляется всеми мерами в Советской России. Российская эмиграция призвана культивировать, поддерживать, проповедывать (конечно, не навязчиво — прописными, самодовольными рассуждениями) эту свободу духа, эту свободу искания смысла жизни, свободу искания Высшего, Непреходящего смысла жизни, которой живет человек и которая так характерна для высших проявлений русской национальной культуры, для русских религиозных мыслителей и для великих русских писателей XIX века. Продолжать их прерванную традицию, которая окончательно не прервана (это означало бы духовную смерть народа), но подавлена, заглушена или — более того — *ушла в глубину* и там, скрывшись, зреет, прорываясь иногда вовне (как, например, в творениях Солженицына, Пастернака, Ахматовой и в подвиге исповедников веры). И мы здесь, в обычных, нормальных человеческих условиях, хотя и оторванные от родной земли, призваны говорить об этом духовном смысле русской культуры (и всякой жизни и культуры), говорить и свидетельствовать. Что же? Мы все записались в проповедники и пророки? Конечно, нет. Наше служение здесь должно быть скромно и трезвенно: мы должны только *указывать* на некоторые *реальные факты* и на их огромное значение, ибо они свидетельствуют о некоем сокровенном смысле жизни. Провозглашение неотъемлемых прав духовной свободы и духовной жизни — вот то, чего нельзя делать в Советской России; все это мы должны делать за них, за носителей духовной жизни в России, за них и для них. И в этом — одно из главных призваний эмиграции: продолжение традиции свободной русской культуры, нарушенной и подавленной большевиками, традиции свободы духа.

4.

С этим связано внимательное изучение ценностей русской культуры — именно с точки зрения их духовной направленности, того искания смысла жизни, которое в них заложено и которое замалчивается служителями советской власти, советского ига над Россией. Пылкость и правдивость и готовность смотреть правде — *всей правде*, всей действительности — в глаза, не исключая *духовных исканий*, — вот что требуется от внимательного и добросовестного исследователя и что далеко не всегда и притом в недостаточной степени может быть осуществлено в Советской России.*

Дело русской эмиграции — участвовать в *сохранении русской культуры*, в сохранении *духа* русской культуры, участвовать — хотя бы в самой скромной и поэтому абсолютно неприязательной степени — в выявлении этого духа, который жив в России, но скван там молчанием или может говорить урывками, «придушенным» голосом, но больше должен молчать. Здесь мы можем говорить, и хотя мы бесконечно беднее и числом и силами, чем оставшиеся там, но мы свободны, и мы можем — как я сказал

* Конечно, есть ряд замечательных исключений: так, например, из ряда вон выдающаяся книга К. Пигарева о его прадеде Ф. И. Тютчеве, книги Л. Гроссмана, проф. Комаровича о Достоевском и т.д.

— говорить за них, говорить то, что они бы сказали. В этом — наша огромная духовная связанность с русским народом, а не в нейтральности и безразличии людей, одинаково хорошо себя чувствующих и в Москве и в Париже (если только такие существуют).

Лаборатория духа, место усиленной, сосредоточенной умственной и духовной работы, посвященной России и ее духовным ценностям, — вот чем может и должна быть, хотя бы в скромных размерах, эмиграция.

5.

Эмиграция — и в этом также ее большое значение — есть вместе с тем живой, не придушенный, не подмененный голос русских людей, обращенный к другим народам и говорящий о ценностях русского народа, его духовном лице, его борьбе и его тяжелом положении. Она является живой носительницей, представительницей заветов русской классической литературы за границей, так как она сама выросла в значительной степени из нее и ее предпосылок. Одно из великих заданий русской эмиграции: быть подлинной и верной передатчицей и толковательницей великих сокровищ русской культуры для Западного мира.

Довольно много эмиграция в этом отношении сделала в лице отдельных своих представителей и особенно в ряде созданных ею культурных центров, которые являются или являлись, вместе с тем, и усиленными духовными «лабораториями» в том смысле, в котором я об этом уже говорил, т.е. в смысле вдумчивого, критического и творческого осознания этих ценностей (думаю, например, о русских научных и просветительных центрах, особенно до Второй мировой войны, в первую очередь в Праге, Белграде, в самый ранний период — в Берлине, — в Риге, Софии и во многих других городах. Очень значительную роль играл — и играет, до известной степени, и теперь — Париж). Но вообще силы эмиграции идут на убыль. До-

вольно большую роль играет теперь Нью-Йорк (в значительно меньшей степени ряд других городов Нового Света), и много отдельных лиц — русских ученых, писателей, музыкантов, художников — ведут свою важную просветительную работу в различных концах мира. И вместе с тем эти представители эмиграции являются перед лицом свободного мира не «посланниками в цепях» (как называет себя апостол Павел в послании Ефесянам 6, 20), а добровольными посланниками от имени тех, кто в цепях и не может сам говорить — от имени молчащего русского народа. Это, конечно, является скорее идеалом, заданием, целью, к которой эмиграция должна идти, возможностью, требующей усиленной работы и умственного и морального напряжения и самовоспитания; но уже одна эта возможность, это призвание само по себе значительно, как ни недостаточно его осуществление.

В заключение возвращаюсь к идее или, вернее, к факту *динамической творческой традиции*. Он определяет значение — или возможное значение — русской эмиграции в истории русского народа. Эмиграция, в меру своих скромных и ограниченных сил, призвана однако к великому заданию: своей «лабораторной» работой, своей проповедью постараться удержать живую связь с духовной и культурной традицией русского прошлого, из которой вырастает и свободное творчество будущего, и помочь как-то русскому народу, находящемуся там, в его усилиях эту жизненную связь сохранить и оживить. Устанавливается, таким образом, молчаливое и неожиданное сотрудничество между живыми силами здесь и там, без уговора, без предварительного обмена мыслями. Просто поток творческой традиции, творческой динамики захватывает людей и здесь и там. И пусть скудеет и слабеет эмиграция: много семян уже разбросано, и кто знает, не кончатся ли уже сроки пленения русского народа? Творческие силы, живущие и в эмиграции, тогда сами собой выкроют себе русло, и добром помянет русский народ тех, кто, хотя бы с малыми силами, боролся за свободу его *духа*.

С. ФРАНК

De profundis

Авторы сборника «Из глубины» видели в революции не только моральный, но и государственный развал России. Многие из них говорят также, как и С. Франк в начале своей статьи, о «внезапном разрушении великих древних царств», об «агонизирующем государственном теле». Тогда, в 1918 г. и нельзя было видеть происходящее. Мало кто мог предполагать что государственный организм и великое мощное государство возродятся, но возродятся только в своем чисто внешнем величии, в силе и мощи, потеряв свое внутреннее величие, свои этические основы, свою душу. К этому ли стремилась та русская интеллигенция, которую сурово призывают на суд истории авторы сборника «Из глубины»? Та интеллигенция, которая говорила о братстве и глубоко презирала всякую власть. Она ее презирала слишком. Вместе с злоупотреблениями власти она отрицала и самое власть, всякую власть. Но без власти не обходятся и самые свободные, самые демократические государства. Власть должна быть, но она должна руководствоваться этическими принципами. Отрицание же всякой власти ведет сначала к краху и развалу, а потом к восстановлению власти, но власти лишенной всяких этических основ, власти циничной и жестокой. Сейчас, обогаченные страшным полувекowym опытом, мы знаем это.

Статья С. Франка содержит в себе глубокий анализ русской интеллигенции и трагических потрясений революции. Она представляется нам и сейчас еще актуальной и глубоко интересной, поэтому мы и предлагаем ее вниманию наших читателей.

The air is cut away before
And closed from behind.
Fly, brother, fly! more high, more high!
Or we shall be belated.

Coleridge.

I.

Если бы кто-нибудь предсказал еще несколько лет тому назад ту бездну падения, в которую мы теперь провалились и в которой беспомощно барахтаемся, ни один человек не поверил бы ему. Самые мрачные пессимисты в своих предсказаниях никогда не шли так далеко, не доходили в своем воображении до той последней грани безнадёжности, к которой нас привела судьба. Ища последних проблесков надежды, невольно стремились найти исторические аналогии, чтобы почерпнуть из них утешение и веру, и почти не находишь их. Даже в Смутное время разложение страны не было, кажется, столь всеобщим, потеря национально-государственной воли столь безнадежной, как в наши дни, и на ум приходят, в качестве единственно подходящих примеров, грозные, полные библейского ужаса мировые события внезапного разрушения великих древних царств. И ужас этого зрелища усугубляется еще тем, что это есть не убийство, а самоубийство великого народа, что глетворный дух разложения, которым зачумлена целая страна, был добровольно в диком, слепом восторге самоуничтожения, привит и воссан народным организмом.

Если мы, клеточки этого некогда могучего, ныне агонирующего государственного тела, еще живем физически и морально, то это есть в значительной мере та жизнь по инерции, которая продолжает тлеть в умирающем и которая как будто возмужала на некоторое время даже в мертвом теле. Вспоминается мрачная, извращенная фантазия величайшего русского пророка — Достоевского. Мертвецы в своих могилах, прежде чем смолкнуть навеки, еще живут, как в полусне обрывками и отголосками прежних чувств, страстей и пороков; уже совсем почти разложившийся мертвец изредка бормочет бессмысленное «бобок» — единственный остаток прежней речи и мысли. Все нынешние мелкие, часто кошмарно-нелепые события нашей жизни, вся эта то бесплоднословесная, то плодящая лишь кровь и разрушение бессмысленная возня всяких «совдепов» и «исполкомов», все эти хаотические обрывки речей, мыслей и действий, сохранившихся от некогда могучей русской государственности и культуры, после бешеной пляски революционных привидений, как последние дотлевающие огоньки после дьявольского шабаша — разве все это не тот же «бобок»? И если мы, задыхаясь и умирая среди этого мрака могилы, в своих тревогах и упованиях продолжаем по инерции мысли бормотать о «заветах революции», о «большевиках» и «меньшевиках», и об «учредительном собрании», если мы судорожно цепляемся за жалкие, замирающие в нашем сознании остатки старых идей, понятий и идеалов и это бесплодное и бездейственное трепыхание чувств, желаний и слов во мраке смерти принимаем за политическую жизнь — то и это все есть тот же «бобок» разлагающегося мертвеца.

И, однако, неистребимая, органическая жажда подлинной жизни, жажда воздуха и света заставляет нас судорожно вырваться из удушьяющей тьмы могилы. влечет очнуться от могильного опенения и этого дикого, сонно-мертвого бормотания. Если России суждено еще возродиться — чудо, в которое, вопреки всему, мы хотим верить, более того, в которое мы *обязаны* верить, пока мы живы, — то это возрождение может быть теперь лишь подлинным воскресением, восстанием из мертвых с новой душой, к совсем иной, новой жизни. И первым условием этого возрождения должно быть полное, окончательное сознание как всей глубины нашего падения, так и его последствий, подлинно-реальных духовных причин, а не только той призрачной, фантастической обстановки и калейдоскопически бессмысленного сцепления отрывочных событий этого падения, которые окружают нас с того момента, как мы уже потеряли почву под ногами. Подобно утопающему, который еще старается вынырнуть, мы должны отрешиться от головокружительного, одуряющего подводного тумана и *заставить* себя понять, где мы и как и почему попали в эту бездну. А если даже нам действительно суждено погибнуть, то и тогда дух жизни влечет нас погибнуть не в сонном замирании мысли и воли, а с ясным сознанием, передав векам и народам внятный, предостерегающий голос погибающего и чистое, глубоко осознанное покаяние. Силою свободной мысли и совести, — которых не могут отнять у нас никакие внешние бедствия, никакой гнет и произвол, — мы должны возвыситься над текущим мигом, понять и оценить кошмарное настоящее в связи со всем нашим прошлым, в свете не мигающих, блуждающих огоньков болотных испарений, а непреходящих, сверхвременных озарений человеческой и национальной жизни.

II.

Казалось бы, дьявольское наваждение, нашедшее на нас, уже кончается, и петух, разгоняющий шабаш ведьм на Лысой горе, уже давно прокричал. Но мы все еще не опомнились, стоим, как зачарованные, и не понимаем, откуда взялось это наваждение. Мы уже хорошо понимаем, что вихрь, закрутивший нас с марта прошлого года, был не подъемом творческих политических сил, а принес лишь гибель, залепил нам глаза поднявшейся с низин жизни мути и пылью и завершился разрушительной свистопляской всех духов смерти, зла и разложения. Но

мы еще не можем понять, как это случилось, и все еще чудится, что как-то независимо от нашей воли и против нее совершился ужасный подмен добра злом. Впервые родина стала истинно свободной для воплощения заветных своих идеалов, лучшие русские люди стали у власти, еще лучшие, более энергичные и пылкие, подгоняли их в осуществлении желанных целей, — и внезапно все это куда-то провалилось, и мы очнулись у разбитого корыта, хуже того, без всякого корыта и даже без старой, покосившейся, но все же родной избы. И несмотря на всю грозность знамений и божьих кар, мысль большинства еще цепляется за мелкие, внешние и совершенно мнимые объяснения, старается сложить ответственность на какие-то непредвиденные и независимые от нас силы и инстанции, на кого-то другого или на что-то другое, и не видит связи совершившегося с самим существом русского общественного сознания.

Господствующее простое объяснение случившегося, до которого теперь дошел средний «кающийся» русский интеллигент, состоит в ссылке на «неподготовленность народа». Согласно этому объяснению, «народ», в силу своей невежественности и государственной невоспитанности, в которых повинен в последнем счете тот же «старый режим», оказался не в состоянии усвоить и осуществить прекрасные, задуманные революционной интеллигенцией реформы, и своим грубым, неумелым поведением погубил «страну и революцию». Продуманное до конца, это объяснение содержит, конечно, жесточайшую, уничтожающую критику всей политической практики наших революционных и радикальных партий. Что же это за политики, которые в своих программах и в своем образе действий считаются с каким-то выдуманном идеальным народом, а не с народом реально существующим! Тем не менее это объяснение, даже со всеми вытекающими из него логическими последствиями, остается поверхностным, крайне односторонним и потому теоретически неверным, а как политика самооправдания — нравственно лживым. Конечно, прославленный за свою праведность народ настолько показал своей ральной нравственный облик, что это надолго отобьет охоту к народническому обоготворению низших классов. И все же, вне всякого ложного сентиментализма в отношении «народа», можно сказать, что народ в смысле низших классов или вообще толщи населения никогда не может быть непосредственным виновником политических неудач и губельного исхода политического движения, по той простой причине, что ни при каком общественном порядке, ни при каких общественных условиях народ в этом смысле не является инициатором и творцом политической жизни. Народ есть всегда, даже в самом демократическом государстве, исполнитель, орудие в руках какого-либо направляющего и вдохновляющего меньшинства. Это есть простая, незыблемая и универсальная социологическая истина: действительной может быть не аморфная масса, а лишь организация; всякая же организация основана на подчинении большинства руководящему меньшинству. Конечно, от культурного, умственного и нравственного состояния широких народных масс завист, какая политическая организация, какие политические идеи и способы действий окажутся наиболее влиятельными и могущественными. Но получающийся отсюда общий политический итог всегда, следовательно, определен *взаимодействием* между содержанием и уровнем общественного сознания масс и направлением идей руководящего меньшинства. Применяя эту отвлеченную социологическую аксиому к текущей русской действительности, мы должны сказать, что в народных массах в силу исторических причин накопился, конечно, значительный запас анархических, противогосударственных и социально-разрушительных страстей и инстинктов, но что в начале революции, как и всегда, в тех же массах были живы и большие силы патриотического, консервативного, духовно-здорового, национально-объединяющего направления. Весь ход так называемой революции состоял в постепенном отмирании, распылении, ухождении в какую-то политически-бездельную глубь народной души сил этого последнего порядка. Процесс этого постепенного вытеснения до-

бра злом, света — тьмой в народной душе совершался под планомерным и упорным воздействием руководящей революционной интеллигенции. При всем избытке взрывчатого материала, накопившегося в народе, понадобилась полугодовая упорная, до иступления энергичная работа разнуздывания анархических инстинктов, чтобы народ окончательно потерял совесть и здравый государственный смысл и целиком отдался во власть чистокровных, ничем уже не стесняющихся демагогов. Вытесненные этими демагогами слаонервные и слабоумные интеллигентно-социалисты должны, прежде чем обвинять народ в своей неудаче, вспомнить всю свою деятельность, направленную на разрушение государственной и гражданской дисциплины народа, на затаптывание в грязь самой патриотической идеи, на разнуздание, под именем рабочего и аграрного движения, корыстолюбивых инстинктов и классовой ненависти в народных массах, — должны вспомнить вообще весь бедлам безответственных фраз и лозунгов, который предшествовал послеоктябрьскому бедламу действий и нашел в нем свое последовательно-прямолинейное воплощение. И если эти бывшие вдохновители революции обвиняют теперь народ в том, что он не сумел оценить их благородное «оборончество» и отдал предпочтение низменному «пораженчеству», или смешал чистый идеал социализма, как далекой светлой мечты человеческой справедливости, с идеей немедленного личного грабежа, то беспристрастный наблюдатель, и здесь отнюдь не склонный считать народ безгрешным, признает, что вина народа не так уж велика и по человечеству вполне понятна. Народная страсть в своей прямолинейности, в своем чутье к действительно-волевой основе идей лишь сняла с интеллигентских лозунгов тонкий слой призрачного умствования и нравственно-беспочвенных тактических дистинкций. Когда «оборончество» основано не на живом патриотическом чувстве, не на органической идее родины, а есть лишь ухищренный тактический прием анти-патриотического интернационализма, когда идеал социализма, к бескорыстному служению которому призывают народные массы, обоснован на разлагающей идее классовой ненависти, — можно ли упрекать народ в его неспособности усвоить эти внутренне-противоречивые, в корне порочные сгустки морально и интеллектуально запутавшейся интеллигентской «идеологии»?

Но довольно об этих притязаниях тех или иных групп и фракций социалистической интеллигенции объяснить потрясающую катастрофу великого государства тем, что страна не поверила им и стала лечиться не по рецептам их политической стряпни, а по каким-то чужим и худшим рецептам. Эта междуфракционная грызня и семейные ссоры между всяческими «большевиками» и «меньшевиками», «левыми эсэрами» и «правыми эсэрами», сколь бы важными они ни казались сейчас бредовому сознанию гибнущего народа и сколько бы еще злосчастия и кровопролитий они ни стоили истерзанной родине, принадлежат именно к тому замогильному бормотанию и барахтанью, от которого мы прежде всего должны очнуться.

Мы обойдем молчанием, как поверхностные и не достигающие существа дела, и те многочисленные объяснения, которые возлагают всю вину за гибель родины на отдельных лиц, на неумелость, недалечность или недобросовестность правителей и влиятельных руководителей политической жизни в злостастые «дни свободы». Конечно, было совершено много роковых ошибок и преступлений, избегнув которых, можно было бы изменить исход всего политического движения, и многие, слишком многие из любимцев и избранников русской общественности оказались далеко не на высоте положения, не обнаружили необходимого сочетания государственной дальновидности с нравственной решимостью и чувством нравственной ответственности. Но уже обилие этих ошибок и преступлений в действиях и упущениях свидетельствует, что они не были необъяснимым скоплением случайностей. Quos vult perdere, dementat. Вся эта длинная цепь отдельных гибельных действий, из которых слагалось постепенное, быстро нарастающее крушение русской госу-

дарственности, несостоятельность большинства правителей, неуклонность порядка, в котором лучшие люди вытеснялись все худшими и роковая слепота общественного мнения, все время поддерживавшего худшее против лучшего, — все это лишь внешние симптомы более общей, более глубоко коренившейся болезни национального организма. Это сознание не снимает ответственности с отдельных лиц, которые по своему положению и влиянию или с наибольшей силой вливали в государственную жизнь болезнетворные, разлагающие начала, или обнаружили недостаточную серьезность и энергию в борьбе с ними. Но оно возлагает ответственность и на всех остальных, прямых и косвенных, участников, вдохновителей и подготовителей этого крушения и старается наметить источник зла в его более общей и потому более глубокой форме.

III.

Более глубокое определение источника зла, погубившего Россию, приходится отметить в лице нарастающего сознания гибельности *социалистической идеи*, захватившей широкие круги русской интеллигенции и просочившейся могучими струями в народные массы. Действительно, Россия произвела такой грандиозный и ужасный по своим последствиям эксперимент всеобщего распространения и непосредственного практического приложения социализма к жизни, который не только для нас, но, вероятно, и для всей Европы обнаружил все зло, всю внутреннюю нравственную порочность этого движения. На примере нашей судьбы мы начинаем понимать, что на Западе социализм лишь потому не оказал разрушительного влияния, и даже, наоборот, в известной мере содействовал улучшению форм жизни, укреплению ее нравственных основ, что этот социализм не только внешне сдерживался могучими консервативными культурными силами, но и изнутри насквозь был ими пропитан; короче говоря, потому, что это был не чистый социализм в своем собственном существе, а всецело буржуазный, государственный, несоциалистический социализм. У нас же, при отсутствии всяких внешних и внутренних преград и чужеродных примесей, при нашей склонности к логическому упрощению идей и прямолинейному выявлению их действительного существа, социализм в своем чистом виде разросся пышным махровым цветом и в изобилии принес свои ядовитые плоды. Вопреки всем распространенным попыткам затушевать идейную остроту нынешнего конфликта, необходимо открыто признать, что именно самые крайние из наших социалистических партий ярче и последовательнее выражают существо социализма — того революционно-бунтарского социализма, который выявил свой живой облик в 40-х годах. Ибо, с позднейшим проникновением социализма в широкие народные массы и превращением его в длительное партийное движение в рамках европейской буржуазной государственности, четкостью и резкая выразительность этого живого облика постепенно ступшеывалась и смягчалась. Уже так называемый «научный социализм» содержал непримиримую двойственность между разрушительным, бунтарским отрицанием культурно-социальных связей европейского общества и широко-терпимым, по существу консервативным, научно-эволюционным отношением к этим связям. Позднейшее же растворение социализма в мирное экономическое и политическое движение улучшения судьбы рабочего класса оставило от антинационального, противогосударственного и чисто-разрушительного существа социализма едва ли не одну пустую фразеологию, лишенную всякого действительного значения. Внешне побеждая, социализм на Западе был обезврежен и внутренне побежден ассимилирующей и воспитательной силой давней государственной, нравственной и научной культуры. У нас же, где социализм действительно победил все противодействия и стал господствующим политическим умонастроением интеллигенции и народных масс, его торжество с неизбежностью привело к крушению госу-

дарства и к разрушению социальных связей и культурных сил, на которых зиждется государственность.

Против этого понимания причин нашей катастрофы нельзя возражать, в духе рассмотренного нами выше ходячего объяснения, указанием, что по существу своему русские народные массы совсем не подготовлены к восприятию социализма и по духу своему не социалистичны. Конечно, наши рабочие стремились не к социализму, а просто к привольной жизни, к безмерному увеличению своих доходов и возможному сокращению труда: наши солдаты отказались воевать не из идеи интернационализма, а просто как усталые люди, чуждые идеи государственного долга и помышлявшие не о родине и государстве, а лишь о своей деревне, которая далеко и до которой «немец не дойдет»; и в особенности столь неожиданно обращенные в «эсэров» крестьяне делили землю не из веры в правду социализма, а одержимые яростной корыстью собственников. Все это фактически бесспорно, но сила этого указания погашается более глубоким уяснением самого морально-психологического существа социализма. Ибо эта внутренняя ложь, это несоответствие между величием идей и грубостью прикрываемых ими реальных мотивов, столь драстически, с карикатурной резкостью обнаружившееся в наших условиях, с необходимостью вытекает из самого существа социализма. Революционный социализм, основанный на учении о верховенстве хозяйской правды и счастья на земле механическим путем политического переворота и насильственной «диктатуры», социализм, основанный на учении о верховенстве хозяйственных интересов и о классовой борьбе, усматривающей в корыстолюбии высших классов единственный источник всяческого зла, а в таком же по существу корыстолюбии низших классов — священную силу, творящую добро и правду, — этот социализм несет в себе имманентную необходимость универсального общественного лицемерия, освящение низменно-корыстных мотивов моральным пафосом благородства и бескорыстия. И потому и здесь не следует умалять значения чисто-идейного и сверхиндивидуального начала: нас погубили не просто низкие, земные, эгоистические страсти народных масс, ибо эти страсти присущи при всяких условиях большинству людей и все же сдерживаются противодействием сил религиозного, морального и культурно-общественного порядка; нас погубило именно разнуздание этих страстей через прививку идейного яда социализма, искусственное накаление их до степени фанатической иступленности и одержимости и искусственная морально-правовая атмосфера, дававшая им свободу и безнаказанность. Неприкрытое, голое зло грубых вождельных никогда не может стать могущественной исторической силой; такой силой оно становится лишь, когда начинает соблазнять людей лживым обличьем добра и бескорыстной идеи.

Не подлежит, таким образом, сомнению, что революционный социализм, в своей чистой, ничем не смягченной и не нейтрализованной эссенции, оказался для нас ядом, который, будучи впитан народным организмом, неспособен выделить из себя соответствующих противоядий, и привел к смертельному заболеванию, к гангренозному разложению мозга и сердца русского государства. Полное осознание этого факта есть существенный, необходимый момент того покаянного самопознания, вне которого нам нет спасения. Разрушительность социализма в последнем счете обусловлена его материализмом — отрицанием в нем единственных подлинно зиждительных и объединяющих сил общественности — именно органических внутренне-духовных сил общественного бытия. Интернационализм — отрицание и осмеяние организующей духовной силы национальности и национальной государственности, отрицание самой идеи права, как начала сверхклассовой и сверхиндивидуальной справедливости и объективности в общественных отношениях, непонимание зависимости материального и морального прогресса от внутренней духовной годности человека, от его культурной воспитанности в личной и общественной жизни, механический и атомистический взгляд на общество, как на арену чисто внешнего столкновения разъединяющих,

эгоистических сил — таковы главные из отрицательных и разлагающих мотивов этого материализма. Поскольку можно зрелище гибели собственной родины созерцать с точки зрения чисто научной любознательности, в нем можно усмотреть грандиозный эксперимент ведения к неслепости материалистического понимания исторической жизни. Ибо здесь показано воочию, что практический материализм, при отсутствии самодовлеющих сил духовного порядка, есть фактор не бытия и развития общества, а лишь его крушение и разложение.

Но в одном отношении этот диагноз источника нашей смертельной болезни все же недостаточен, не проникает достаточно глубоко: он не объясняет, почему социализм в России стал таким всепокоряющим соблазном и отчего народный организм не обнаружил надлежащей силы самосохранения, чтобы нейтрализовать этот яд или извергнуть его из себя. Это приводит нас к более глубоко захватывающему вопросу об общей слабости в России духовных начал, охраняющих и укрепляющих общественную культуру и государственное единство нации.

IV.

Этот вопрос предносится прежде всего в плане чисто политическом. Почему оказались столь слабыми все не социалистические, так называемые «буржуазные» партии в России, т.е. все политические силы, направленные на укрепление и сохранение государственного единства, общественного порядка и морально-правовой дисциплины? Оставляя в стороне все многообразие чисто-временных, с более глубокой исторической точки зрения случайных и несущественных партийно-политических группировок, можно сказать, что в России издавна существовали две крупные партии: партия либерально-прогрессивная и партия консервативная. Обе, как известно, в самый тревожный момент крушения русской государственности оказались совершенно бессильными.

Бессилие либеральной партии, объединяющей, бесспорно, большинство наиболее культурных, просвещенных и талантливых русских людей, объясняют теперь часто ее государственной неопытностью. Не входя в подробное обсуждение этого объяснения, мы должны признать его явным недостаточным: история знает, в моменты резких политических поворотов, не мало случаев успешной государственной деятельности элементов, не имевших до того государственной опытности. Кромвель и его сподвижники вряд ли были до революции более опытны в области государственной жизни, чем наши либералы.

Основная и конечная причина слабости нашей либеральной партии заключается в чисто духовном моменте: в отсутствии у нее самостоятельного и положительного общественного мирозерцания и в ее неспособности, в силу этого, возгнать тот политический пафос, который образует притягательную силу каждой крупной политической партии. Наши либералы и прогрессисты в своем преобладающем большинстве суть отчасти культурные и государственно-просвещенные социалисты, т.е. выполняют в России — стране, почти лишенной соответствующих элементов в народных массах — функцию умеренных западно-европейских социалистов, отчасти же — полусоциалисты, т.е. люди, усматривающие идеал в половине отрицательной программы социализма, но несогласные на полное его осуществление. В обоих случаях защита начал государственности, права и общественной культуры оказывается недостаточно глубоко обоснованной и имеет значение скорее тактического приема, чем ясного принципа. Не будет философским доктринерством сказать, что слабость русского либерализма есть слабость всякого позитивизма и агностицизма перед лицом материализма, или — что то же — слабость осторожного, чуткого к жизненной сложности нигилизма перед нигилизмом прямолинейным, совершенно слепым и потому бесслабшим. Организующую силу имеют лишь великие положительные идеи, — идеи, содержащие самостоятельное прозрение и зажигающие веру в свою самодовлеющую и первичную ценность. В русском же либерализме

вера в ценность духовных начал нации, государства, права и свободы остается философски не уясненной и религиозно не вдохновенной. Давно ли вообще идеи родины, государства, порядка открылись русскому либеральному общественному сознанию, как *положительные* идеи? Для большинства — едва ли ранее начала этой войны, которая своей грозностью открыла глаза даже полуслепым и, вопреки всем привычным верованиям, принудила их просто непосредственно ощутить опасность пренебрежения к этим идеям. Но от такого непосредственного, грубо эмпирического ощущения ценности этих начал еще далеко до разумного понимания их значения и еще дальше — до живого духовного усмотрения их первичного, основополагающего смысла в общественной жизни. Вот почему, в борьбе с разрушающим нигилизмом социалистических партий, русский либерализм мог мечтать только логическими аргументами, ссылками на здравый смысл и политический опыт *перубедить* своего противника, в котором он продолжал видеть скорее неразумного союзника, но не мог зажечь огонь религиозного негодования против его разрушительных дел и собрать и укрепить живую общественную рать для действенного его искоренения. То, что теперь называют «государственной неопытностью» русской либеральной интеллигенции, состоит в действительности не в отсутствии соответствующих *технических* знаний, умений и навыков, — которые она в значительной мере уже приобрела в местном самоуправлении и парламентской деятельности, — а в отсутствии живого *нравственного опыта* в отношении ряда основных положительных начал государственной жизни. Вплоть до самого последнего времени наш либерализм был проникнут чисто-отрицательными мотивами и чуждался положительной государственной деятельности: его господствующим настроением было будирование, во имя отвлеченных нравственных начал, против власти и существовавшего порядка управления, вне живого сознания трагической трудности и ответственности всякой власти. Суровый приговор Достоевского в существе правилен: «вся наша либеральная партия прошла *мимо дела*, не участвуя в нем и не дотрагиваясь до него; она только отрицала и хихикала». Подобно социалистам, либералы считали всех управляемых добрыми и только правителей — злыми; подобно социалистам, они не сознавали или недостаточно сознавали зависимость всякой власти от духовного и культурного уровня общества и, следовательно, ответственности общества за свою власть; подобно социалистам, они слишком веровали в легкую осуществимость механических, внешних реформ чисто отрицательного характера, в целостность простого освобождения народа от внешнего гнета власти, слишком мало понимали необходимость и трудность органического перевоспитания общества к новой жизни. Их политический реализм обессиливался их совершенно нереалистическим моральным сантиментализмом, отсутствием чутья к самым глубоким и потому наиболее важным духовным корням реальности, к внутренним силам добра и зла в общественной жизни, к власти подземных органических начал религиозности и древних культурно-исторических жизненных чувств и навыков. И опять невольно вспоминаются слова Достоевского: «реализм, ограничивающийся кончиком своего носа, опаснее самой безумной фантастики, потому что слеп».

Что и консервативные силы русского общества оказались беспомощными в момент революции, это, в известном смысле, в порядке вещей и вытекает из самого существа революции. Однако, нигде, может быть, консервативные слои, в течение десятилетий или веков стоявшие у власти, не обнаруживали такой степени бессилия, не теряли влияния так внезапно, бесповоротно и легко, как у нас. И когда продумываешь эту важнейшую проблему исключительного бессилия русского консерватизма, то за многообразием ближайших исторических и бытовых его условий и форм проявления чувствуешь некоторую первичную духовную его причину. Русский консерватизм опирался на ряд давних привычек чувства и веры, на традиционный уклад жизни, словом, — на силы истори-

ческой инерции, но он уже давно потерял живые духовные и нравственные корни своего бытия и не чувствовал потребности укрепить их в стране или, по крайней мере, не понимал всей ответственности и сложности этой задачи, всей необходимой органичности такого прорастания корней в живые глубины народной души. Россия имела не мало нравственно и умственно глубоких, духовно одаренных консервативных мыслителей и деятелей, — стоит вспомнить только наших славянофилов. Но они оставались ненужными и бессильными одиночками, ибо господствующий консерватизм не хотел использовать их, чуждался их, именно как носителей живых, будящих общественное сознание идей. Русский консерватизм, который официально опирался и отвлеченно мечтал опираться на определенную религиозную веру и национально-политическую идеологию, обессилил и обесплодил себя своим фактическим неверием в живую силу духовного творчества и недоверием к ней. Самый замечательный и трагический факт современной русской политической жизни, указующий на очень глубокую и общую черту нашей национальной души, состоит в внутреннем сродстве нравственного облика типичного русского консерватора и революционера: одинаковое непонимание органических духовных основ общежития, одинаковая любовь к механическим мерам внешнего насилия и крутой расправы, то же сочетание ненависти к живым людям с романтической идеализацией отвлеченных политических форм и партий. Как благородно-мечтательный идеализм русского прогрессивного общественного мнения выпестовал изуверское насильничество революционизма и оказался бессильным перед ним, так и духовно еще более глубокий и цельный благородный идеализм истинного консерватизма породил лишь изуверское насильничество «черной сотни». Черносотенный деспотизм высших классов и черносотенный анархизм низших классов есть одна и та же сила зла, последовательно выявившаяся в двух разных, но глубоко родственных формах и обессилившая в России и истинный духовный консерватизм, и неразрыво с ним связанный истинный либерализм. Единый дух зла и насилия, безверия и материализма в этих двух своих проявлениях вырвал корни народной души из единственной питательной почвы, обеспечивающей живой рост народной силы и жизни — из слоя подземной творческой духовности — и тем иссушил дух и тело народа, ослабил его внутреннее единство и сделал бессильным перед первой налетевшей на него бурей. И если в настоящий момент вопрос о будущей форме правления в России, поскольку ей суждено воскреснуть, сам по себе имеет не больше значения, чем вопрос о покрое платья, в которое нарядится умирающий, на случай своего выздоровления, то, — при всей психологической естественности жесточайшей реакции после всего совершившегося — нельзя достаточно подчеркнуть, что смена политически-красного черносотенства восстановлением того же черносотенства политически черного оттенка, была бы не выздоровлением умирающего, а лишь иною формой прежней смертельной болезни. Правда, народное сознание теперь уже никогда не забудет, что русский консерватизм, что бы ни говорить, некогда создал великое государство, а русский революционизм его быстро загубил. Но оно не забудет и того, что яд этого революционизма был выработан в недрах того же консерватизма через его нравственное разложение, и что не только у этого разложившегося консерватизма не оказалось никакого достаточного противоядия, но что, наоборот, все его соки ушли на усиление этого же яда.

V.

Что Россия не возродилась, как все о том мечтали, после революции, а, наоборот, погибла в процессе революции — в связи с сознанием, что начало этой гибели относится все же к эпохе «старого режима» — этот факт необходимо должен изменить наше господствующее понимание условий и источников народного счастья и несчастья, процветания и крушения государства. Теперь уже неизбежно сознание, что не политические формы жизни,

как таковые, определяют добро и зло в народной жизни, а проникающий их живой нравственный дух народа. Гений Пушкина некогда охарактеризовал Россию в горьких словах: «Нужно признаться, что наша общественная жизнь весьма печальна. Это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, к справедливости и правде, это циническое презрение к мысли и к человеческому достоинству действительно приводят в отчаяние». Если поверхностный либерализм всегда видел в этих словах осуждение определенной эпохи, определенного политического уклада или общественного слоя, то мы на тяжком опыте теперь убедились в гораздо более глубоком, сверхвременном и сверхполитическом значении этих слов. Солдаты, бежавшие с войны и распродававшие врагу вооружение и снаряды, выказали во всяком случае не меньшее равнодушие к долгу, чем чиновники Николая I; революция обнаружила не меньше цинического презрения к мысли и к человеческому достоинству, чем реакция, и общественное мнение в России демократической оказалось не сильнее, чем в России императорско-сословной. Не те или иные учреждения, формы правления и порядки социальной жизни являются последними, конечными причинами благополучия и силы страны или ее бедствий и слабости; и поэтому также те или иные политические партии, их программы и образ их действия суть скорее лишь симптомы и формы проявления сил, направляющих народную судьбу, чем самостоятельные творцы этой судьбы. То зло, которое мы усмотрели в популярности крайнего революционного социализма, в духовной дряблости и недальновидности русского либерализма, в отсутствии духовно живого и нравственно просвещенного консерватизма, должно быть сведено теперь к своему первоисточнику.

Судьба народа определяется силами или факторами двух порядков: силой коллективного склада жизни и общественных отношений, общих исторических условий и изменений народного быта, и силой верований, нравственных идей и оценок, коренящихся в народном сознании. В разрезе определенного момента исторической жизни силы этих обоих порядков находятся в теснейшем взаимодействии и взаимобозначении и ни одна из них не может быть взята отрешенно от другой. Но в какой-то глубине народной души или народного характера обе эти силы имеют единый корень в некоем *первичном жизненном чувстве и общем духовно-нравственном лике* народа. Для наших целей — для нравственного самопознания национального духа — нет надобности поэтому останавливаться на конкретных исторических, экономических, государственных и международных условиях, которые служили выразителями, носителями и пособниками этого нравственного духа в плане коллективного быта и внешней, исторической жизни. Достаточно через моменты верований и нравственных идей нащупать самое существо этого первичного общественного жизненного чувства и найти в нем источник нашего национального заболевания.

И тут существенно прежде всего отметить, что проявления болезни, столь бурно и остро обнаружившиеся в вихре смуты последнего года и более зоркими наблюдателями подмеченные уже в движении 1905-1906 гг., в менее заметной и более хронической форме обнаруживались уже давно, едва ли не в течение всего XIX века. Нигилизм, который с такой потрясающей силой разгорелся за последние годы и так радикально совершил дело, достойное своего имени — обращение России в *ничто*, почти в пустое географическое название, — этот *нигилизм* неуклонно нарастал и развивался в течение всего прошлого века. Если мы в эпоху революции присутствовали при ужасающем упадке уровня общественного мнения, при головокружительной быстроте падения всего лучшего и возвышения всего худшего, то внимательный наблюдатель увидит в этом вихре лишь последний, стремительный и узкий круг того духовного водоворота, который уже давно захватил нас. В течение едва ли не всего XIX в. в общественном мнении укреплялось не лучшее и творче-

ское, а скорее худшее, наиболее грубое, примитивное и разрушающее из умственных течений. Наши славянофилы были, конечно, духовно глубже и плодотворнее вытеснивших их западников, как западники 40-х годов — более значительны, культурны и духовно богаты, чем радикалы 60-х годов. Великие русские прозорливцы, как Пушкин, Тютчев, Достоевский, К. Леонтьев, Вл. Соловьев, задыхались в атмосфере окружавшего их пошлого и плоского общественного мнения. Из западных влияний в России наибольший успех имели всегда более плоские и притом именно отрицательные и разрушительные течения. Позитивизм, материализм, социализм — вот главные плоды нашего общения с Западной Европой, по крайней мере, начиная с 40-х годов; а анархизм в значительной мере является прямым созданием русского духа; тогда как такие явления, как христианский социализм, проповедь Карлейля или Рескина, национальные и религиозные движения на Западе не находили никакого общественного отклика у нас. Русская интеллигенция не оценила и не поняла глубоких духовно-общественных прозрений Достоевского и совсем не заметила гениального Константина Леонтьева, тогда как слабая, все упрощающая и нивелирующая моральная проповедь Толстого имела живое влияние и в значительной мере подготовила те кадры отрицателей государства, родины и культуры, которые на наших глазах погубили Россию. Тот семинарист, который, как передают, при похоронах Некрасова провозгласил, что Некрасов выше Пушкина, предсказал и символически предуготовил роковой факт, что через сорок лет Ленин был признан выше Гучкова и Милюкова (*toutes proportions gardées*). И не рукоплескала ли вся интеллигентная Россия цинически-хамскому бунтарству тех босяков и «бывших людей» Горького, которые через двадцать лет после своего столь шумного успеха в литературе успели захватить власть и разрушить русское государство? И, быть может, самым глубоким и общим показателем этой застарелой и тяжелой нравственной болезни русского национального духа является ужасающее общественное бессилие и унижение русской церкви — той церкви, которая не только имела когда-то великих святых и проявила великое духовное творчество, но и своею нравственной силой содействовала объединению русского народа и спасению его от татарщины и развала Смутного времени.

VI.

Но именно понимание своеобразия этой нравственной болезни, сознание, что русский народ — не народ, нищий духом и лишённый творческого богатства, а народ, несмотря на свое непрерывное, доходящее вплоть до наших дней могучее духовное творчество, — лишь потерявший способность использовать свое богатство и в своем общественном бытии расточающий по ветру это богатство и отдающий предпочтение худшему перед лучшим, злу перед добром, — это сознание должно привести к правильному и нравственно-плодотворному диагнозу болезни. Ужасная катастрофа нашего национального бытия легко, конечно, может породить в душах безнадежность и отчаяние; и уже слышны голоса безверия, утверждающие, что дух русского народа окончательно разложился и может отныне служить лишь удобрением для иных, более здоровых и сильных культур. Это безверие не только преждевременно и морально недопустимо, будучи равносильно отказу от борьбы с болезнью и согласию на национальное самоубийство; оно и чисто-теоретически есть слишком суммарное и потому поверхностное объяснение. Истинное существо нашей национальной болезни, столь страшный кризис которой мы переживаем, состоит не в том, что народный организм утратил свои духовные силы и потерял способность вырабатывать живые внутренние соки, питающие народное тело и дарующие ему внутреннее здоровье, единство и соразмерность жизни, а в том, что эти соки остаются неиспользованными, пребывают в бессиль-

но-потенциальном состоянии, т.е. что парализована та сила, которая разливалась их по всему организму и тем обеспечивала нормальное и интенсивное его функционирование. Как бы глубока и тяжка ни была наша болезнь, она есть все же лишь функциональное расстройство, а не органическое омертвление.

Как и почему случилось, что народ (понимая народ не в классовом, а в национальном смысле), прозванный народом-богоносцем, стал народом-нигилистом, кощунственно попирающим все свои святыни? Как случилось, что народ, не без основания прославленный за свою нравственную кротость и чистоту, стал народом-убийцей, народом неприкрытой корысти и всяческого нравственного распутства? Трудно определить, почему это произошло, но, быть может, возможно наметить, как это совершилось. В нашем национальном жизненном чувстве давно уже назревал какой-то коренной надлом, какое-то раздвоение между верой и жизнью. Русское религиозное сознание постепенно уходило от жизни и из жизни, училось и учило терпеть и страдать, а не бороться и творить жизнь; все лучшие силы русского духа стали уходить на страдание и страдательность, на пассивность и бездейственную мечтательность. И параллельно этому вся действенная, жизненно-творческая энергия национальной воли становилась духовно непросветленной, нравственно необузданной, превращалась в темное буйство злых страстей и бесплодно-отрицательного рассудочного умствования. Русский религиозный дух уже давно перестал нравственно укреплять народ в его будничной трудовой жизни, пропитывать нравственными силами земные экономические и правовые его отношения. И потому здоровый в основе реалистический инстинкт народа оторвался от духовного корня жизни и стал находить удовлетворение в неверии, в чисто-отрицательной освобожденности, т.е. в разнузданности мысли и чувства. Все лучшее, благородное и духовно-глубокое становилось мечтательно-бессильным, а все сильное и практически-действенное — темным и злым. Сентиментально-мечтательное бессилие устремленной к добру русской интеллигенции и разрушительная энергия нравственной развращенности реакционного и революционного черносотенства есть такой же показатель этой болезненной раздвоенности русского национального духа, как пассивная кротость, бездейственность и незащитность доброго русского мужика и способность его же на темную испуганность погромов и пугачевщины. Русскому идеализму во всех формах и сферах его проявления недостает нравственной серьезности, волевой силы, мужественного чувства ответственности за жизнь, понимания трагической трудности осуществления идеалов и умение одолевать эти трудности. И наоборот, волевой энергии русского народа недостает облагораживающего и просветляющего сознания духовных основ жизни, смиряющего и отрезвляющего понимания ограниченного значения всех достижимых внешних изменений жизни и необходимостью их связи с внутренним культурно-нравственным фондом народной жизни, с органическими корнями народной души.

Это понимание духовного источника нашей болезни указывает если не путь, то цель и направление необходимого и — веруем — еще возможного возрождения. Чисто этически эту задачу можно было бы определить, как пробуждение духовно умудренного и просветленного мужества — не разрушительной дерзости чисто-отрицательной самочинности и отщепенства, а творческого мужества, основанного на смиренном сознании своей зависимости от высших сил и укорененности в них. Нам недостает, в смысле личной культуры, духа религиозно-просветленной действенности — духа истинного рыцарства. С общественно-философской стороны этот идеал может быть понят, как возрождение мечты славянофилов об ор-

ганическом развитии духовной и общественной культуры из глубоких исторических корней всенародного религиозно-общественного непонимания — мечты, которую Достоевский позднее определил в понятии *почвенности*. Правда, уже у славянофилов этот идеал был отравлен и обессилен романтической мечтательностью, сентиментальным непониманием трудности и ответственности его осуществления в будничных условиях политической и экономической реальности. Но по своему существу именно в этом идеале намечено единственно здоровое и оздоровляющее направление общественно-политической мысли и воли. Вся наша жизнь и мысль должна быть пропитана духом истинного, высшего реализма — того реализма, который сознает духовные основы общественного бытия и потому включает в себя, а не противопоставляет себе, творческий идеализм внутреннего совершенствования. Для этого реализма общественным идеалом может быть не выдуманная, оторванная от жизни отвлеченная идея, извне вторгающаяся в жизнь и коверкающая ее, а лишь живая сила устремления, органически вырастающая из самой жизни и движения всенародного сознания, — сила, которая только потому способна творить новое, что укреплена в старом и неразрывно связана с ним. В учреждениях, нравах, быте, имеющих историческое прошлое, он видит не зло, которое должно и может быть механически устранено и механически же заменено новыми, данным поколением придуманными формами жизни, а проявление и следы нравственного и духовного прошлого народа, которые могут изменяться и развиваться лишь через органическое перевоспитание и внутреннее совершенствование народной воли и мысли. Не в отрицании и нивелировании, не в упрощении и рационализации, а, наоборот, в любовно-внимательном, бережном сохранении и развитии всей органической сложности и полноты исторических форм жизни усматривает он путь к развитию культуры. Это развитие он мыслит поэтому только в конкретно-исторических, органически произрастающих из народной веры и воли коллективных единствах нации, государства, церкви. Лишь в таких непосредственных, не искусственно созданных, а исторически слагающихся и растущих формах жизни он усматривает проявление истинной народной воли, т.е. осуществление подлинного идеала *демократии*, как внутренней обоснованности общественных отношений и политического строя на живом духе, конкретных нуждах и идеальных устремлениях народа. Политическую деятельность как отдельной личности, так и всего народа, он мыслит не как самочинное дерзание, руководимое преходящими нуждами мига и поколения, а как смиренное служение, определяемое верой в непреходящий смысл национальной культуры и долгом каждого поколения сберечь наследие предков, обогатить его и передать потомкам.

Осуществление этого идеала духовного единства и органического духовного творчества народа, идеала *религиозной осмысленности и национально-исторической обоснованности общественной и политической культуры*, конечно, предполагает какой-то нравственный сдвиг с мертвой точки, отказ от давнишних болезненных привычек и навязчивых идей расстроеной народной души в пользу здоровых и необходимых навыков нормальной жизни, открытие некой забытой правды — очевидной и простой, как всякая правда, и вместе богатой сложными и действительно-плодотворными выводами. Если наша общественная мысль, наша нравственная воля в состоянии осмыслить все совершившееся, если Божья кара поразила нас не для того, чтобы погубить, а для того, чтобы исправить, то в нашем церковно-религиозном и национально-государственном сознании необходимо должно созреть это оздоровляющее умонастроение. Тогда с пути хаоса, смерти и разрушения мы сдвинемся на путь творчества, положительного развития и самоутверждения жизни.

П. КАЛИНОВСКИЙ

7 ноября 1917 года

50 лет тому назад партия большевиков захватила власть в России. 50 лет — это ведь по сути вся жизнь и моя и ваша. Жизнь трудная, полная борьбы и страданий и часто, как это у нас говорили, жизнь пропадающая. Помните стихи?

«Эх романтика — синий дым...
Наши души пошли на портянки.
Сколько крови, сколько воды
Утекло в подземелья Лубянки».

50 лет власти большевиков... а ведь могло быть иначе. Все это было совсем не обязательно.

Если бы тогда, в ноябре 17 года у большевиков сорвалось, если бы у власти стоял не Керенский, а человек с трезвым умом и твердой волей или если бы позже, во время Московского восстания в 1918 году действовали энергичнее или если бы победили не красные, а белые? Белые ведь не шли реставрировать «помещиков и капиталистов» — они боролись за Россию. Какая тогда была бы Россия и как бы жили русские люди? Богатейшая страна, талантливый народ, верующий в Бога, умеющий трудиться и любящий свою страну. Куда бы мы шагнули за эти 50 лет без террора, без коллективизации, без истребления всего лучшего, честного, самостоятельного, стойкого в нашем народе?

Сейчас коммунистам нужно праздновать их юбилей. Их пропаганда и на родине и в странах свободного мира лезет из кожи вон, чтобы то ли доказать, то ли оправдать успехи Советской власти за 50 лет. Дескать до их прихода Россия была нищей, народ был в рабстве и несправии, рабочие и крестьяне жили в голоде и холоде. И вот, под руководством Ленина, Сталина, Дзержинского и прочих вождей партия большевиков — авангард революционных масс свергает иго «царизма» и наступает светлая заря новой жизни. И прочее в том же роде.

И ведь есть люди которые верят, верят даже сейчас. А Впрочем так-ли уж это удивительно? Пропаганда идет непрерывно, засорять нам мозги умеют так ловко, что мы и не замечаем. Молодежь ведь старой России не помнит; не только старая Россия, но и сама революция и коллективизация и чистки, да и даже война 1941-45 годов уже превращаются в историю. И не только молодежь. Люди постарше тоже многое позабыли; что было плохого в прошлом часто забывается. 50 лет срок не малый и вот сейчас в день трагического для России юбилея нам нужно вспомнить, подумать и еще раз пережить наше прошлое — прошлое нашей с вами родины.

Красная, а в свободном мире и розовая пропаганда не жалеют черной краски рисуя старую Россию. Наоборот, все что есть в России сейчас хорошего создано усилиями компартии.

Давайте вспомним. Давайте посмотрим что писали о России и о 1917 годе те, кто был объективен и кто наблюдал события своими глазами.

В дальнейшем я буду приводить только факты и только бесспорные цифры.

Россия накануне революции

«Если развитие больших Европейских наций будет и дальше идти так как между 1900 и 1912 годами, то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе политически, экономически и в финансах».

В. Эдмонд Тери (экономист) в 1914.

Коммунистическая пропаганда старается уверить людей свободного мира в том, что в 1917 году Россия была полудикой страной и это именно они превратили ее из отсталой в передовую. Кое-кто верит. Даже кое-кто из русской молодежи верит этим басням, как-то забывая о тысячелетней истории Российского государства. Наши

наука, литература, музыка цвели, когда даже слова «коммунизм» не было и в помине. В 1812 году русская армия была достаточно «современной», чтобы сражаться с лучшими в мире войсками — войсками Наполеона как равный с равным. После 1812 года и до самой революции 1917 года русские дипломатия, политика, религиозная мысль, наука, искусство и т.д. были неразрывной частью Европейской культуры. Россия производила достаточно зерна для собственного потребления и кормила половину Западной Европы. Россия так и называлась — «Житница Европы». Мука, мясо, масло, сахар и т.п. всегда продавались в любых магазинах, лавках и кооперативах и были дешевы.

Недороды в разных областях, конечно, бывали и сопровождалась нехваткой продуктов, но правительство и общество спешили на помощь и зерно скоро привозилось из соседних губерний. Чтобы правительство само умышленно создавало повсеместный голод — мысль настолько дикая, что никому в голову в то время прийти не могла. На Украине, например, всегда жили хорошо. Такого, чтобы целые села вымирали от голода, когда тут же под боком стояли полные зерна элеваторы, тоже не бывало.

Экономически Россия отставала от наиболее развитых европейских стран, но с 1900 года темп развития значительно ускорился. Россия начала догонять Англию и Германию. За 23 года (1890-1913) продукция русской индустрии учетверилась.

Русские железные дороги имели протяженность в 74000 верст и были самыми дешевыми и самыми комфортабельными в Европе.

Методы ведения сельского хозяйства отставали от Северо-Американских и Канадских, однако, Столыпинская реформа поставила аграрное развитие на правильный путь. Утверждение коммунистов, что это они освободили крестьян от ига помещиков — ложь. К 1905 году уже 80% пахотной земли в европейской России принадлежало крестьянам, а к 1914 году и еще больше земли перешло от помещиков к крестьянам при помощи Крестьянского банка. Количество сельскохозяйственных машин на полях быстро росло.

Социальное законодательство в дореволюционной России было — для своего времени — передовым. Рабочий день на фабрике (10½ часов) был короче, чем во Франции и Италии, хотя и длиннее чем в Англии и Германии. Ночная работа для женщин и подростков была запрещена законом. Оплата труда была ниже чем в Германии, но быстро росла. Забастовки и мирные демонстрации были разрешены законом.

В 1912 году было введено социальное страхование.

Народное образование развивалось. С 1908 года обучение в начальных школах было бесплатным и в 1917 году 86% детей школьного возраста посещало школы.

Университетов было меньше чем в Германии, но они были доступны для всех классов населения. В 1900 году из 4000 студентов Московского университета 2000 было «неимущих», получавших государственные пособия.

Литература, искусство, наука цвели. Это было время Чехова, Толстого, Дягилева и т.д., и т.д. Ученые творили свободно.

Политически, с октября 1905 года Россия перестала быть абсолютной монархией. Появился выборный парламент — Дума. Структура думы была еще далека от полного демократического идеала, так, например, принцип всеобщего, прямого и равного голосования не был соблюден. Тем не менее это был свободно избранный парламент с представителями от всех классов населения.

Газеты разных политических направлений — в том числе и социалистических, издавались свободно.

Самым главным было то, что хотя и отставая от наиболее передовых стран, Россия развивалась нормально и шла по их пути, давая населению все лучшие материаль-

ные условия, все большую свободу и постепенно обеспечивая каждому полноценную жизнь, без нужды, без страха, с правом самому решать свою судьбу.

Октябрьская революция

«Концепция классовой борьбы используется для того, чтобы замаскировать приход к власти новой привилегированной группы».

Клаус Менерт.

Есть одно политическое правило хорошо известное всем тоталитарным правителям. «Будущее народа создается его прошлым, а прошлое в руках того, кто владеет настоящим». Говоря проще — фальсификация истории дело полезное.

Коммунистическая пропаганда непрерывно и очень тщательно подчищает и перерабатывает события времен октября 1917 года. Целый ряд фактов замалчивается или превращается в свою противоположность. Многие из нас видят сейчас октябрьскую революцию совсем не такой, какой она была в действительности. Я хочу подчеркнуть четыре факта, ясное знание которых только и может предоставить «Великий Октябрь» в его настоящем виде.

1. В феврале 1917 года пала царская власть и была создана Российская Демократическая Республика. Сделано это было не большевиками, а силами русской демократии. Утверждение коммунистов, будто они в это время были авангардом революционных сил — ложь. Борьба русских демократических сил с царским правительством шла в течение всего 19 столетия; Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия была основана только в 1898 году, а фракция большевиков выделилась из нее в 1903 году. В феврале 1917 года партия большевиков насчитывала только 17000 членов (при населении страны в 175.000.000) и была одной из многих существовавших тогда незначительных политических партий. За свою пораженческую программу во время войны партия преследовалась царской полицией. Ленин жил в Швейцарии, другие вожди жили либо в эмиграции, либо в ссылке. Кое-где сохранялись небольшие группы, но как организованная сила партия в это время вообще не существовала.

После отречения императора Николая II от престола было создано новое правительство, ответственное перед Думой, так называемое Временное правительство — временное — до созыва Учредительного Собрания, которое и должно было определить форму будущего правления в России.

Во Временное правительство вошли представители всех крупных политических партий; большевиков там не было. Не большевики освободили Россию от «ига царизма», они сами были освобождены Февральской революцией из тюрем и ссылок. Освобождены и, к сожалению, получили полную возможность делать то, что они хотят.

В то время как другие политические партии, если и не всегда умело, то во всяком случае искренно, занялись строительством и укреплением молодой республики, большевики с самого начала заняли иную позицию. Поставив целью захват власти они начали разрушать устои еще не окрепшей демократической республики. Линия пропаганды была простой и эффективной. Временное правительство было объявлено буржуазным и враждебным интересам рабочих и крестьян. Война нужна им, а не простому народу. Немедленный мир!

Для борьбы с Временным правительством были созданы Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Даже здесь большевики были в меньшинстве, но сумели захватить контроль в свои руки. Они превратили Советы в нечто вроде параллельного правительства: нелегального, не демократического, но твердо шедшего к намеченной цели. Вскоре был выброшен лозунг: — «Долой Временное правительство! Вся власть Советам!»

2. Коммунисты уничтожили не царский режим, а Российскую Демократическую Республику. Об этом факте коммунисты никогда не вспоминают. Наоборот и красная и желтая пресса умеет так представлять события прош-

лого, что многим кажется будто коммунисты пришли на смену реакционному строю, тормозившему развитие страны. В России коммунисты уничтожили не самодержавие, а демократию. То же произошло в ряде стран восточной Европы, то же грозит и еще существующим демократическим государствам.

Российская Демократическая Республика просуществовала только 9 месяцев и была разрушена большевиками при помощи Советов и других, инфильтрированных ими политических организаций.

Будучи освобождены из тюрем и ссылок большевистские вожди начали собираться в столице. Главная квартира была организована в Смольном институте.

В апреле 1917 г. Ленин с 20 сторонниками вернулся из Швейцарии. Уинстон Черчилль описывает это следующими словами. «В середине апреля 1917 года германцы приняли серьезное решение. В это время их военное положение было отчаянным. Тем не менее только после больших колебаний решились они направить на Россию это самое страшное из всех орудий: они перевезли Ленина из Швейцарии в Россию, в запломбированном вагоне, как чумную бациллу». Большевики конечно объявляют пломбу буржуазной выдумкой. По моему была там пломба или нет не важно. Важен факт, что имея полную возможность проехать в Россию при помощи союзников через Архангельск, Ленин принял предложение о помощи от воевавших с Россией немцев. Цель германского правительства была очевидной. Ленин должен был сесть в раздор в России.

Через посредников, — Парвуса и Фюрстенберга-Ганецкого — большевики получали от немцев значительные денежные пособия для развития главной партийной газеты «Правда» и других газет и журналов. Уже к июню 1917 года самая крупная партийная пресса в России была у большевиков.

С возвращением Ленина партия обрела талантливую и беспощадную лидера. Большевики умело использовали концепцию классовой борьбы, разжигая ненависть бедных к богатым, разрушая закон и порядок и высмеивая такие понятия как вера, патриотизм, семейный уклад и т. п. Неограниченная свобода была объявлена высшим идеалом революции, каждый имеет право делать все, что ему угодно. К народу шли призывы пользоваться этой свободой *сейчас*.

Крестьянам внушали, что помещики их враги и, что настало время сбросить ярмо и разделить помещичьи земли между крестьянами. Был брошен лозунг: «Грабь награбленное». В результате в ряде мест начались убийства помещиков и зажиточных крестьян. Помещичьи усадьбы сжигались, скот расхищался, а сельскохозяйственные машины — за ненадобностью — уничтожались. Над страной нависла угроза голода.

Рабочим говорилось, что война приносит огромные баришки капиталистам и что рабочие должны бастовать, требуя своей доли в виде увеличения заработной платы и сокращения рабочего времени. Рабочие должны гнать с заводов директоров, управляющих и прочих паразитов и брать предприятия в свои руки. «Продукты труда должны принадлежать только трудящимся».

Солдатам объясняли, что война ведется совсем не для защиты России. Война обогащает их классовых врагов: помещиков, капиталистов, генералов и офицеров и Временное правительство сознательно затягивает войну. Солдаты должны избавиться от всех царских офицеров (а других не было) и избирать в командиры своих товарищей — солдат. Фронтные солдаты должны перестать стрелять в своих братьев — немецких рабочих и крестьян в военной форме, должны брататься с ними и идти домой. *Сейчас!*

Аналогичные призывы шли к матросам. В результате много офицеров, особенно во флоте, было убито. Развитие повальное дезертирство.

За студентами и молодежью ухаживали. «Дорогу молодежи!» Молодежь — авангард революции! Она сметет на свалку всю устарелую рухлядь традиций и построит новую и счастливую жизнь для будущих поколений. Мно-

гие верили. Когда увидели обман было уже поздно. К чести русской молодежи нужно сказать, что сейчас именно она стоит в первых рядах борцов за свободу.

Все правонарушители, включая криминальных преступников, были взяты под защиту, если не прямо то косвенно. Разрушение закона шло под лозунгом: «Жестокие законы царского времени должны быть отменены. Правонарушителей нужно не наказывать, а перевоспитывать». Под давлением «общественного мнения» созданного большевицкой и желтой прессой, смертная казнь была отменена за все преступления включая бунт и убийство офицеров на фронте. Наказания за все преступления были сведены до минимума или и вовсе отменены.

Правительство защищалось вяло. Премьер-министр Керенский уговаривал большевиков не нарушать законы и ожидать решений Учредительного собрания. В результате большевики захватывали одну позицию за другой.

В июле 1917 года русская армия потерпела поражение в Галиции. Большевики приписали вину правительству и организовали стачки и демонстрации. Им удалось побудить к бунту несколько полков петроградского гарнизона и с их помощью большевики попытались захватить власть. Восстание, однако, было подавлено войсками генерала Корнилова, верными правительству.

Керенский опять ограничился полумерами и положение продолжало ухудшаться. Последняя отчаянная попытка предотвратить захват власти большевиками была предпринята в октябре генералом Корниловым, однако поход его войск на Петроград был остановлен и сам Корнилов арестован. Это устранило последнее препятствие на пути большевиков. Ленин правильно оценил ситуацию сказав: «Власть валяется на улице, нам остается подобрать ее».

3. Коммунистический переворот — «Большая Октябрьская Революция» не был народным восстанием; это был захват власти небольшой группой заговорщиков, умело использовавших солдат, уставших от войны, и другие недовольные группы населения. Для большевицкой литературы апогей Октябрьской революции рисуется в виде героического штурма Зимнего дворца. Коммунистические картины, фильмы и прочее все время изображают солдат, рабочих, матросов с развернутыми знаменами штурмующих пулеметы защитников Зимнего. Этого не было. Вообще не было массового восстания. Жизненно важные точки столицы были захвачены одна за другой небольшими группами хорошо организованных и вооруженных до зубов заговорщиков.

Руководителями акции были Владимир Ленин и Лев Троцкий, их ближайшими помощниками: Дзержинский, Свердлов, Каменев, Зиновьев, Сталин, Бубнов и другие.

Сам Троцкий в его «Истории Русской Революции» пишет: «Где восстание? Картины восстания нет. Нет действия больших масс, нет драматических столкновений с войсками». Дальше Троцкий описывает безразличие масс позволивших небольшим группам матросов и солдат, при руководстве большевиков, захватить власть.

Организатором победы был Ленин. У него никогда не было сомнений относительно методов. Еще за 20 лет до революции Ленин требовал создания революционной элиты, людей которые отдадут делу не свои свободные вечера, а всю жизнь. «Дайте мне горсть профессионалов и я переверну установленный порядок». Будучи в эмиграции Ленин организовывал школы для своих сторонников во Франции и Италии. Ученики этих школ были в числе той горсти которая установила коммунизм в России.

Практическая подготовка восстания началась 23 октября на заседании большевицкого Центрального комитета в Петрограде. На этом заседании было решено поднять восстание против Временного правительства. Соответствующие инструкции были разосланы всем партийным организациям. Военные приготовления должны были идти «для защиты Петрограда от Корниловских погромов». Эта мотивировка маскировала агрессивную подготовку большевицких солдат и рабочих. Для проведения акции при Петроградском Совете был организован «Военно-революционный комитет» под председательством Троцкого.

Вожди большевиков обсуждали дату восстания. Временное правительство назначило выборы в Учредительное собрание на 12 ноября и действовать нужно было до этой даты. С другой стороны — через несколько дней в Петрограде открывался Всероссийский съезд Советов. Выступал Ленин: «24 октября (6 ноября нового стиля) — слишком рано. Нам нужен всероссийский повод для восстания и этим должен быть Всероссийский съезд Советов. С другой стороны 26 октября будет слишком поздно. К этому времени Съезд организуется, а большая масса людей не способна на быстрые и решительные действия. Мы должны действовать 25, в день открытия съезда, чтобы мы могли сказать делегатам: — вот власть, что вы будете с ней делать?» В это самое время, в другой комнате, Антонов-Авсеев — математик и шахматист разрабатывал в деталях план захвата столицы.

Здесь стоит остановиться. Согласно учению Маркса, Энгельса и самого Ленина победа социализма и коммунизма неизбежна. Это основной принцип их догмы. Согласно законам исторической последовательности на смену капитализму неизбежно приходит социализм. Ленин много раз повторял это в своих статьях и речах. Цель этой пропаганды очевидна — какой смысл сопротивляться неизбежному?

И вот смотрите! Упорно вколачивая эту мысль в головы своих сторонников и своих противников, сам Ленин целиком полагается на вооруженное восстание. Мало того. «24 слишком рано, 26 слишком поздно!» В одной из своих статей Ленин высказывается еще определеннее. «История никогда не простит революционерам промедления. Если они упустят возможность победы сегодня они рискуют многое потерять завтра, могут даже потерять все».

На заседании также обсуждался вопрос как оправдать захват власти. Опять прибегли к демагогии. Захват власти необходим, чтобы защитить Петроград от Корнилова и спасти Учредительное собрание от темных махинаций Временного правительства. Кое-кто из большевицких вождей колебался и здесь Ленин высказался с неприкрытой откровенностью. «Сейчас главное — захватить власть, а политические объяснения мы дадим позже». Эта потрясающая фраза может быть найдена в собрании сочинений Ленина (3 издание, том 21, стр. 326).

Лев Троцкий решил этот вопрос еще проще. Вечером 24 октября в Смольном собрались на предварительное перед открытием совещание, члены Съезда Советов. Даже здесь, при подобранных делегатах, большевики были в меньшинстве, имея 250 делегатов из 580. Правда многие из делегатов как большевицких так и других были люди простые и не очень ясно понимавшие что собственно происходит. Подготовка к восстанию ни для кого не была секретом. Один из лидеров социал-демократов Дан призывал к сохранению законности. «Те кто готовят восстание совершают преступление против революции! Через неделю выборы в Учредительное собрание». Дан убеждал держаться демократических методов борьбы. От большевиков выступил Троцкий — блестящий оратор-демагог. «Дан говорит вам, что вы не имеете права восставать. Восстание есть право всех революционеров! Когда угнетенные массы народа восстают, это их право...» Победа осталась за Троцким.

Большевики однако не ждали конца прений, а начали действовать. Ночью с 24 на 25 октября вооруженные группы солдат, матросов и красногвардейцев, под командой назначенных Военно-революционным комитетом начальников, отправились захватывать заранее намеченные объекты.

Вот как описывают события Джон Рид и Алан Мурхед. «... следующие 24 часа были наиболее странными во всей русской истории. По смыслу вещей это должен бы быть день серьезной драмы. Таким он отчасти и был, но в то же время во многом происшедшем был элемент абсурдности, почти фарса. Большевики взяли город путем инфильтрации, скрытно, почти как бы незаметно. Их отряды занимали одну точку за другой: Думу, Государственный банк, Центральную телефонную станцию, вокзалы,

и т.п. Жители города не отдавали себе отчета в происшедшем. Многие пошли 25 на работу как обычно, магазины были открыты, кинотеатры — полны. Сопrotивления не было нигде кроме нескольких выстрелов у реки; казачьи патрули остались без руководства и делали вид будто ничего не замечают. К 7 часам вечера остался незанятым только Зимний дворец, в котором собрались министры Временного правительства. Положение было безнадежным. Защитников было менее 1.000 человек, из них 150 женщин.

Коммунисты описывают теперь взятие Зимнего как некую героическую эпопею. В действительности боев почти не было. «В 6.30 вечера парламентарии большевиков пришли в Зимний и потребовали капитуляции давая 20 минут. Когда министры отказались, крейсер Аврора, стоявший на Неве, дал два холостых выстрела. Это был сигнал. Начался беспорядочный обстрел Зимнего дворца. Повреждения были незначительными, но женский батальон скоро сдался, а затем и остальные защитники, либо сдались, либо разбежались. Министры были арестованы и отправлены в Петропавловскую крепость. За всю операцию пострадало менее 20 человек. Среди защитников серьезно пострадавших не было».

Так большевики захватили столицу. В Москве события были кровопролитнее, а остальную страну большевикам пришлось завоевывать силой оружия.

4. Пункты коммунистической программы имеют только пропагандное значение и не имеют ничего общего с действительными намерениями коммунистов. Это весьма наглядно доказано за долгие годы коммунистического господства в России и других странах. Даже ярые сторонники коммунизма не могут этого не видеть.

Но почему же коммунистическая мечта на практике превращается в кошмар?

Есть два типа ответов. Милован Джилас — бывший ближайший соратник Тито — объясняет это в своей книге «Новый класс» следующим образом. После захвата власти в стране, коммунисты становятся владельческими эксплуататорами — новым классом — потому, что они удерживают в своих руках административную монополию. Кроме того они монополизировали имущество, идеологию и правительство. Их методы управления позорны, сохранить человеческое достоинство становится невозможным.

«Прошлые революции происходили потому, что рождалась новая социальная система и нужно было расчистить пути для ее развития. Иначе обстоит дело с коммунистическим режимом. Он приходит к власти не для завершения нового экономического порядка, а для построения своего собственного. Именно поэтому, коммунисты, долгое время после того как революция закончилась, продолжают применять террористические методы».

Таким образом для Джиласа коммунистическая метаморфоза исторически закономерна; это понятно, так как Джилас воспитан на марксизме.

Многие другие считают коммунистические теории и обещания сознательным обманом. Перемена после их прихода к власти настолько мгновенна, что не вяжется с понятием исторического процесса. Вместо аскетического лица революционера-подвижника, буквально на утро после переворота вы видите саркастическую физиономию депота, наслаждающегося своей властью над вами. И начинает он показывать эту власть немедленно.

Коммунистический переворот имеет две фазы. Первая — до захвата власти. Все противоречия и трудности в стране используются для того, чтобы расшатать правительство и существующий порядок. В то же время создается небольшая, но дисциплинированная армия из коммунистических кадров. Это люди узкого ума, но большой энергии, жадные, безжалостные, слепо идущие за своими вождями. Во время войны, депрессии, внутренних неурядиц, коммунисты умело используют временное недовольство масс и приходят к власти.

Вторая фаза — после захвата власти. Коммунистам больше не нужны разрушительные силы ими же вызванные к жизни. «Мавр сделал свое дело, мавр может ух-

дить». Деморализованные солдаты, всякого рода бандиты, расплывшиеся под покровом либерализованных законов, перманентно недовольные студенты и прочие неудовлетворенные интеллигенты ликвидируются быстро и радикально. Опорой коммунистических вождей являются теперь их дисциплинированные кадры в руках которых находятся все жизненные пункты страны.

Коммунисты немедленно начинают строить «социалистическое государство», прежде всего создаются всепроникающая секретная полиция и сильная армия. Вводятся свирепые законы. Следуют насильственная национализация всего имеющего какую-то ценность, индустриализация и коллективизация. Коммунисты берут в свои руки воспитание, образование, прессу, литературу, искусство и направляют даже науку на «правильные пути».

Первой испытала это на себе Россия. Уже 8 ноября съезду Советов было предложено утвердить состав нового правительства «которое будет управлять страной до созыва Учредительного собрания». Способ формирования правительства был прост. Список имен был составлен на заседании ЦК большевиков и затем прочитан на съезде.

Затем был опубликован ряд законов. У Ленина и большевиков не было никаких легальных прав издавать законы; съезд Советов не был законодательным органом. Это однако не играло роли — большевики были у власти и о законности не беспокоились.

Одним из первых мероприятий было фактическое восстановление смертной казни. Ленин высмеял отмену смертной казни, назвав ее пацифистской иллюзией. «Вы думаете мы сможем победить без сурового революционного террора?» Формально смертная казнь не была восстановлена, но 7 (20) декабря была создана Чека, немедленно начавшая кровавое уничтожение всех политических соперников.

Постепенно все политические партии, включая социалистические, были объявлены вне закона, и их лидеры арестованы.

На следующий же день после переворота Ленин заявил, что мир с Германией будет заключен немедленно и объявил земельную реформу. Раньше, побуждая крестьян к бунтам, большевики обещали им помещичью землю. Однако они никогда не собирались давать землю крестьянам. Формулировка «Декрета о земле» — шедевр демагогии. «Собственность помещиков на землю отменяется немедленно. Право владеть землей отменяется навсегда. Отныне земля будет принадлежать всему народу и государству. Пользование землей будет бесплатным». Таким образом декрет забирал землю у крестьян, открывая путь коллективизации. Формулировка однако была такова, что крестьяне встретили декрет с энтузиазмом.

Дальнейшими декретами были национализированы банки, торговый флот и все индустриальные предприятия. Была закрыта биржа, отменено право наследования. Золото было объявлено принадлежащим государству и населению было приказано сдавать золото и ценности сборщикам. Было объяснено, что отныне золото и ценности будут принадлежать не буржуазии, а всему народу.

Суды присяжных были отменены. Отныне «Революционные трибуналы» в составе председателя (большевик) и шести рабочих и крестьян имели власть над имуществом и жизнью граждан.

Деятельность церкви была ограничена и взята под надзор, церковный брак — отменен. Развод мог быть получен немедленно по заявлению одной из сторон.

В первый же день существования рабоче-крестьянского правительства начали зажимать и рабочих. Забастовки объявлены изменой и бастующим грозили суровые наказания. Так как теперь вся продукция принадлежит рабочим, бастовать могут только враги рабочего класса.

9 ноября совнарком начал «временно» закрывать «буржуазные» газеты и отряды вооруженных большевиков заняли их помещения и типографии. Временное закрытие продолжается уже 50 лет.

Однако начинало нарастать и сопротивление. Рабочие Петрограда бастовали. Неделю спустя солдаты тоже почувствовали неладное и несколько полков выступили

против большевиков. Однако к этому времени большевики уже успели укрепиться. Ненадежные русские полки были заменены нерусскими войсками: латышскими стрелками и эстонскими и финскими моряками. В дальнейшем латышские и другие нерусские части использовались для подавления восстания в Москве и в ряде городов России. В то же время русские полки направлялись на «умиротворение» Средней Азии и Украины.

Ряд других практических мероприятий большевиков точно так же был прямой противоположностью их программных обещаний. Аресты и расстрелы всех стоявших в оппозиции не только продолжались но принимали массовый характер.

На пути у большевиков было однако еще одно препятствие. Выборы в Учредительное собрание были назначены Временным правительством на 12 ноября. Вся страна ждала этого дня. О свободно избранном парламенте мечтали столетие. Большевики объясняли «временный» захват власти необходимостью защитить Учредительное собрание от махинаций Временного правительства.

Ленин и его последователи знали, что в Учредительном собрании они будут в меньшинстве. Сперва они пытались отложить выборы, а потом перенесли открытие с начала декабря на январь. Они попытались не допустить открытия вообще, но не смогли помешать приезду делегатов в Петроград.

Учредительное собрание открылось в начале января. Население приветствовало открытие грандиозными демонстрациями с плакатами «Да здравствует Учредительное собрание — хозяин Русской земли». Абсолютное большинство в собрании принадлежало партии социалистов-революционеров (378 мандатов из общего числа 707). Большевики собрали только 24% голосов. Однако они сделали нужные приготовления. Все типографии были заняты большевиками, Чека призвала массовые аресты, а накануне открытия Собрания из Смольного вышел декрет объявлявший, что всякие попытки Учредительного собрания «узурпировать правительственную власть» будут пресечены. Так обещания защиты Собрания превратились в угрозы.

17 января 1918 года Таврический дворец, где открылось Учредительное собрание, был окружен латышскими стрелками и артиллерией. На следующее утро Собрание было разогнано силой. Мирная демонстрация населения Петрограда в защиту Учредительного собрания была встречена залпами красных войск. Много мужчин, женщин и детей было убито.

Так было устранено последнее препятствие. Диктатура была установлена. Российская демократия была убита.

Пятьдесят лет коммунистического режима в России

«...использование людей как материал для безбожного тоталитарного планирования».

Клаус Менерт.

Как живут в России сейчас? Что произошло за эти 50 лет? Много было написано на эти темы и правды и неправды, но никто не описал общую ситуацию лучше, чем Милован Джилас.

«В коммунистической стране жизнь строится так, чтобы у жителей не было уверенности в завтрашнем дне. Государство дает людям возможность заработать на жизненные нужды, но при условии полного подчинения.

Коммунистическая элита (новый класс) живут паразитируя за счет трудящихся. Они развили в себе фантастическое презрение к низшим классам общества. Карьеризм и непрерывно растущая бюрократия — неотделимы от коммунизма. Чистки, террор, рабский труд, контроль над мыслями неизбежны, так как они происходят из коммунистической идеологии».

«После 40 лет существования коммунистического государства стало более централизованным и грубо авторитарным, чем какое-либо ранее существовавшее в истории. Наиболее brutальный вид тирании, осуществляемой коммунистической элитой, это тирания над мышлением. Для защиты собственных интересов они не стесняются душировать все не согласные с ними мысли».

Как живут под властью коммунизма простые люди?

Джилас пишет: «Коммунистический режим есть форма постоянной скрытой гражданской войны между правительством и населением. Недовольство народа никогда не прекращается. Оно составляет фон всей жизни. На поверхности все спокойно, но глубже — отчаяние и ненависть».

В заключение Джилас пишет, что коммунистические режимы обречены. «Героическая эра коммунизма в прошлом. Сейчас коммунизм достиг вершины и находится в зените богатства и могущества, но не имеет новых идей. Процесс морального разложения зашел уже далеко. Падение неизбежно».

Мы согласны с этим, но хотим напомнить одно хорошо известное правило. «Для победы обманщиков достаточно, чтобы честные люди сидели сложа руки».

П. ПЕРОВ

Капитал не по Марксу

Морис Клейн, комментируя Проекционную Геометрию Росселла, говорит о «примате КАЧЕСТВА над КОЛИЧЕСТВОМ», нельзя слагать предметы различного качества, нельзя сложить в одну дюжину яйца курицы и яйца змеи, как нельзя соединить людей для выполнения какого-либо задания, руководствуясь их ВНЕШНИМ сходством и игнорируя их ВНУТРЕННИЕ качества.

Австрийский социал-демократ Оскар Полак писал в «Арбайтер Цейтунг»: «теперь мы ясно видим, что человек должен быть центром каждой общественной системы, что нашей целью должно быть полное развитие человеческой личности в свободе и равенстве. Наша цель не национализация человека, а его гуманизация. Очеловеченье государства и общества. Это главный пункт, которым демократический социализм фундаментально отличается от искривленной формы марксизма, какую представляет собой коммунистический террористический режим».

Ожидать, что все люди насильно примут одну и ту же идеологию, так же невозможно, как ожидать, что из всех яиц вылупятся или цыплята, или змейки. Именно ВНУТРЕННЕЕ качество человека определяет, примет ли он коммунизм или нет.

Однако Маркс, «усекая» Гегеля, все же считался с аксиомой «внутренних взаимоотношений». Он обещал вывести человека в «царство свободы», в котором власть бездушного партийного аппарата не требовала бы от него НАСИЛЬНОГО изменения его ВНУТРЕННЕГО качества.

Ленин пошел дальше. Построение коммунизма было основано на принципе: если нам нужны змеи — пусть из куриных яиц вылупливаются змеи, а когда нам понадобятся курицы — пусть из змеиных яиц вылупливаются цыплята. В коммунистическом хозяйстве все предусмотрено ГОСПЛАНОМ.

Но аксиома «внутренних взаимоотношений» — обратима. Если общество должно считаться с ВНУТРЕННИМ качеством своих членов, то такое же право имеет и каждый член в отношении к обществу.

И вот перед современным человеком две социальных системы: коммунизм и капитализм. Каковы их ВНЕШНИЕ взаимоотношения?

Оба основаны на принятии материальной ценности капитала. В обоих ценность эта сконцентрирована в руках группы людей: в коммунизме в руках партии, в капита-

лизме — в руках финансистов. Оба стремятся к увеличению капитала путем эксплуатации труда членов общества. Оба ревниво охраняют свои системы и готовы пожертвовать жизнью своих граждан для ее защиты. Однородность ВНЕШНИХ качеств коммунизма и капитализма не дает возможности выбора между ними: должен ли человек обогащать партию или финансистов, стать винтиком коммунистической или капиталистической государственной машины, умирать за одну или другую?

Человек обращается к ВНУТРЕННИМ взаимоотношениям. Тут выявляется основная разница. Если КАПИТАЛ создается ТРУДОМ членов общества, то его ПРАКТИЧЕСКОЙ ценностью становится ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ всего народа. В коммунизме этот не материальный, но ДУХОВНЫЙ КАПИТАЛ ТВОРЧЕСТВА зажат в руках партии и она зорко следит за каждым «грошом», отпуская его по своей собственной инициативе, согласно выработанному плану и так же строго следит за тем, чтобы кто-либо из граждан не истратил отпущенный ему грош согласно своей ЛИЧНОЙ инициативе и своему ЛИЧНОМУ плану.

Для КАПИТАЛИЗМА капитал это «топливо», которое питает ЛИЧНУЮ инициативу членов общества, будут ли это индустриальные бароны, мелкие собственники, фермеры или рабочие. Банки и индустриальные корпорации разбрасывают капитал, как сеятель разбрасывает семя: упав на плодородную почву личной инициативы, капитал растет. Если такой почвы нет — он гибнет. В чем же дело?

Ответ дают основные факторы всякой эволюции, в какой бы области она не происходила. Все существующее борется за жизнь, приспособляясь ко внешним условиям. Если такое приспособление невозможно — то ЛИЧНОСТЬ МУТИРУЕТ.

В замкнутом обществе национал-социализма «мутирующие» личности уничтожали, в замкнутом обществе коммунизма их расстреливали или гноили в концлагерях. Несмотря на эти предосторожности, национал-социализм просуществовал лишь 12 лет. Коммунизм, более удачно приспособившийся к ВНЕШНИМ международным условиям, отпраздновал свое пятидесятилетие.

Что же делает с «мутантами» капитализм? Он предоставляет им полную свободу мутировать. Арена для свободного творчества открыта для всех. Борьба за существование в нем, это КОНКУРРЕНЦИЯ, будет ли это конкуренцией товаров или литературных произведений, модных фасонов дамского платья или современных музыкальных композиций. На этой свободной арене каждая МУТАЦИЯ, отрицая СТАРОЕ, создает НОВОЕ. Если это новое — нежизненно, то оно умрет само собой.

Огромную роль ЛИЧНОЙ инициативы и капитала «СВОБОДНОГО ТВОРЧЕСТВА» народа использовал Ленин в трудное для него время, объявив НЭП. Сталин зажал его, требуя, чтобы из всех яиц насильно вылуплялись нужные ему змеи. Современное партийное руководство, поняв, наконец, что от «змей» толку мало, подбрасывает курам немного корма, а «змей», сделавших свое дело, понемногу выводит на пенсию.

Что у кого болит, тот о том и говорит. Русский народ болен «бедностью свободы» и стремится от нее вылечиться. Но как? Если чему-либо и научился русский народ на создании коммунистического «рая», так это тому, что самый теоретически идеальный рай не создаст такого «нового» человека, который смог бы его ПРАКТИЧЕСКИ осуществить. Дело не в социальной организации, а ВНУТРЕННЕМ КАЧЕСТВЕ тех, кто ее создает.

«Я думаю, коллективизация была ложной, неудавшейся мерою, и в ошибке нельзя было признаться. Чтобы скрыть неудачу, надо было всеми средствами устрашения отучить людей судить и думать и принудить их видеть несуществующее и доказывать обратное очевидности. Отсюда беспримерная жестокость ежовщины, обнаружение не рассчитанной на применение конституции, введение выборов, не основанных на выборном начале.

И когда разгорелась война, ее реальные ужасы, реальная опасность и угроза реальной смерти были благом по сравнению с бесчеловечным владычеством выдумки и несли облегчение, потому что ограничивали колдовскую силу мертвой буквы.»

Борис Пастернак, «Доктор Живаго»

«Ввиду того, что настоящие Советы не выражают воли рабочих и крестьян, немедленно сделать пере-выборы советов тайным голосованием, причем, перед выборами провести свободную предварительную агитацию всех рабочих и крестьян». Таков текст первого пункта резолюции общего собрания команд 1 и 2 бригад линейных кораблей, состоявшегося 1 марта 1921 года в Кронштадте. Так началось восстание матросов, красноармейцев и рабочих Кронштадта, подавленное отборными, преданными власти частями под командованием Троцкого.

Впечатления с выставки

В Париже с октября 1967 г. по январь 1968 г. состоялась выставка под эффектным названием: «Русское искусство от скифов до наших дней», а мы бы сказали, перефразируя, В. Солоухина, «от скифов через Дионисия и Рублева, Репина и Нестерова к Кукрыниксам». . . Выставка привлекала толпы посетителей, состоящие из представителей всех национальностей и всех слоев населения — и недаром.

«Средний западный европеец» получает максимально полное впечатление об искусстве России, поскольку это возможно в ограниченных рамках выставки, благодаря равномерному и умелому подбору экспонатов. А выбрать из всех русских музеев самое характерное и из всего этого создать гармоничный ансамбль, не так-то просто, ибо всегда есть опасность увлечься своими личными вкусами или «идеологическими» соображениями и таким образом впасть в однобокость. Но люди, потрудившиеся над созданием этой выставки, однобокости избежали. С равной любовью и тщательностью подобраны экспонаты древнего гонимого искусства, украшения из драгоценных металлов, изделия из камня, бронзы, дерева и ткани, произведения всех видов изобразительного искусства. Дана действительно полная панорама жизни искусства

на Русской Земле от доисторических времен до наших дней.

И во всей этой панораме поражает и захватывает дух любого зрителя — икона, самая настоящая древняя икона — новгородская, московская, северная или еще иная. Встреча с иконой производит сильное и трудно поддающееся описанию впечатление. Посетитель, входя на выставку, проходит мимо экспонатов древнего Крыма, Скифии, Алтая или других мест необъятной России; предметы, сопровождавшие и украшавшие жизнь наших древних предков говорят ему о местных особенностях, взаимном влиянии племен и народов, и т.д., — словом, он находится на земле — для нас, родной земле с ее красотами и человеком, изображающим эту красоту. И вдруг — за незаметным поворотом — перед зрителем открывается красота неземная. Отверзлось небо и нет больше ни скифов, ни эллинов, ни раба, ни свободного, — нет больше и искусства, как оно обычно понимается: как проявление индивидуальной человеческой личности, своего взгляда на мир и на вещи, выраженного своим собственным «почерком». . . Нет — здесь все тонет в свете мира горнего, где жизнь жительствоует. Именно жительствоует, и мы всем своим существом чувствуем трепетанье вечной жизни в этих иконах, а не при-

мер мертвого, давно ушедшего искусства. Глядя на эту горсточку духовного сокровища древней Руси, чувствуешь, что оно живо и действительно по сей день и будет всегда жить присущей ему вечной жизнью.

У неискушенного зрителя, прошедшего по выставке со вниманием, может создаться впечатление, что устроители хотели подчеркнуть значительные иконы. Но это не так, ибо, проверив по каталогу, становится ясным, что пропорционально их на выставку взято меньше, чем, скажем, картин. Зато впечатление от икон остается у всех очень глубокое. Нам пришлось показывать выставку французскому художнику. Он провел два часа среди икон, захваченный проявлением неведомого ему мира; у входа в залы со светским искусством он остановился — и не пошел дальше, сказав, что после икон нельзя смотреть ничего другого.

Вообще русская икона представляет собой, если вдуматься в ее историю, некое чудо, ибо расцвет иконописи совпадает у нас с трудным периодом русской истории: начиная от гибели Киевской Руси и, кончая началом Великой Российской Империи. Совершенно непонятно, каким образом россияне, уходя с насиженных мест, в борьбе с внешними врагами и в потрясениях внутренних перестроек достигали такого одухотворения искусства. Видно, несмотря на все катастрофы, русский человек сумел сохранить целостность своего органического мировоззрения, объединявшего в своем выражении красоту природы с красотой горного мира, открывающейся в молитвенном созерцании. Этим, несомненно, объясняется исключительная гармония русской природы и русской церковной архитектуры, на которую указал в одном из своих докладов проф. В. Алпатов, сопровождавший выставку. Отсюда светлый мир иконы, видимый рай, мир вневременный и внепространственный. Да, наши великие иконописцы горный мир видели и писали...

Вот перед нами Деисусный чин XV века,* Новгородской школы (№№ каталога 238 по 246). Размеры икон не слишком большие — 160 см высоты — если знать, что есть Деисусы трехметровые. Поэтому их монументальность не подавляет, а, наоборот, создает впечатление спокойного величия, что пожалуй, связано с замыслом иконостаса вообще и деисусного чина в частности. Композиция иконостаса служит совершающейся литургии, ибо она изображает молитвенное предстательство перед Христом. Деисис занимает в иконостасе первый ярус и икона Спасителя находится над Царскими Вратами, то есть над престолом. В Деисусном чи-

не перед Спасителем предстоит вся Церковь: Божия Матерь как самое высшее, что дало человечество, Иоанн Креститель — средоточие Ветхого и Нового Завета, Пророк и Креститель; за ними следуют представители мира ангельского — Архангелы Михаил и Гавриил, затем представители апостолов Петр и Павел. В других Деисусах бывают Святители, Преподобные и т.д. Ряд замыкается святыми воинами-мучениками, Георгием и Димитрием, которые в литургическом предстательстве изображены без воинских доспехов. Таким образом над престолом, где совершается литургия, дающая нам реальное присутствие Христа в Евхаристии, сосредотачиваются молитвы всей Церкви. Деисис с выставки был рачищен уже в начале нашего столетия, находился после этого в Москве, в церкви, построенной С. П. Рябушинским, а оттуда взят в Третьяковскую галерею. Современного художника поражает яркость красок, красота фонов этих икон (их в древности называли светом). Тона теплые, традиционные; поражает строгость и, вместе с тем, легкость пробылки, свойственные старым иконам.

Интересна история нахождения некоторых икон. Так, например, Спас Нерукотворный XIII века (№ каталога 231) совсем недавно был найден М. В. Алпатовым в каком-то сарае, где он служил ставней, живописной стороной наружу! Эта икона хранит еще следы византийского влияния, сказывающегося во всем рисунке, и в особенности, в рисунке глаз. Краски поразительны: ее можно было бы назвать «киноварной симфонией».

Совсем в ином роде поражает по своей красочной композиции голубое Успение (№ каталога 249). Эта икона широко известна по бесчисленным репродукциям, из коих ни одна не смогла передать правильного впечатления. Сочетание голубого тона ореола Спасителя, киноварного ложа Божией Матери и золота фона создает гармонию, которую литографии передать, увы, не под силу. Для иконописца же в особенности интересна техника писания ликов, четкость и тонкость наложения красок.

Замечательна икона Снятия со Креста (№ 253). Это одна из тех икон, о которых нельзя сказать, к какой школе они относятся и какому мастеру принадлежат. Сила графической ее композиции исключительна. Сила рисунка (устремленность фигур снизу вверх по кривой линии к Спасителю и остановка на фигуре Богоматери), тонкость оттенков, поразительная слаженность красочных тонов не поддаются описанию. Для этого нужен был бы поэт такой же силы, какой был создавший ее иконописец.

На выставке есть несколько икон пророка Ильи. Из них по выразительности рисунка и по краскам наиболее интересна икона северных писем XV в. (№ 258).

Почти все иконы на выставке, как полагается, неизвестных мастеров. Хорошо известные всему Западу по репродукциям произведения Андрея Рублева и Феофана Грека не могли быть вывезены за границу. Но зато мы могли познакомиться с другим изумительным иконописцем, чьи произведения терпят всю свою прелесть в репродукциях. Это мастер Дионисий. Справедливо утверждение, что стиль Дионисия можно понять только увидев его роспись церкви Рождества Богородицы в Ферапонтовом монастыре: церковь маленькая и Дионисий своей росписью раздвинул ее своды. Удлинив фигуры, он создал тем впечатление грандиозности. Вероятно, потом не мог иначе писать — везде сохранил видение Ферапонтова монастыря, облачив его в характерные для своего стиля лирические формы: прозрачность красок, легкость движений, мягкость контуров.

Чем ограничить перечень самых поразительных икон? Где кончить описание их линий и красок? Не видев этой частицы сокровищ русского народа, нельзя составить себе о них истинного впечатления. Только через внимательное изучение и духовное общение с творцами их и мы сможем научиться этому искусству, изображающему сущность вещей.

Иерей Георгий Дробот

Двадцатипятилетие „Нового Журнала“

В 1967 г. исполнилось 25 лет со дня основания «Нового Журнала».

Двадцать пять лет — срок немалый. В эмигрантских же условиях активное существование какого-либо начинания в течение двадцати пяти лет, — это чудо. Конечно, это такое же чудо, как и существование самой эмиграции, где все же очень и очень многие представители третьего, а часто уже и четвертого поколения, продолжают оставаться эмигрантами, т.е. внутренне русскими, готовыми вернуться домой, когда настанет время, т.е. когда в свободных условиях на

родине они смогут трудиться на пользу своему народу.

Так же и «Новый Журнал» надеется, что когда-то станет возможным перенести редакцию из Нью-Йорка в свободную Москву или свободный Петроград.

До наступления же этих сроков, мы все, совместно с лучшими представителями нашего народа на родине, будем прилагать и наши скромные усилия для приближения этого момента.

Двадцатипятилетие такого большого культурного начинания, как «Но-

* Русское слово «Деисус» происходит из греческого *deésis*, означающего «моление» (прим. ред.).

вый Журнал», является не только праздником самого этого начинания. Гораздо больше. Это праздник всей эмиграции. Ибо не может существовать журнал, имеющий лишь авторов, но не имеющий читателей.

Лишь не так давно появился читатель не только зарубежный. «Новый Журнал», как и другие наши здешние издания, имеет сегодня все больше и больше читателей и там, — на далекой родине.

«Новый Журнал» был основан в исключительно тяжелое время. События Второй мировой войны нанесли тяжелый удар русской эмиграции. Культурная и общественная жизнь почти прекратились. Прекратили свое существование и почти все эмигрантские издания, в том числе и все толстые журналы. И вот, на смену им, выбравшимися из Франции в Америку писателями М. А. Алдановым и М. О. Цетлиным был основан журнал. Тогда он был новым и единственным. Потому и назвали его просто «новым». Не думали, вероятно, его основатели, что этот «новый» просуществует так долго...

Сегодня «Новый Журнал» является лишь старейшим среди других своих собратьев («Воздушные Пути», «Возрождение», «Грани», «Мосты», «Современник»).

Основные установки редакции «Нового Журнала» за 25 лет не изменились. Вот, что мы читаем в редакционной статье первой книги (в 1942 г.): «Наше издание, начинающееся в небывалое, катастрофическое время, — единственный русский «толстый» журнал во всем мире вне пределов Советской России. Это увеличивает нашу ответственность и возлагает на нас обязанность, которой не имели

прежние журналы: мы считаем своим долгом открыть страницы «Н.Ж.» писателям разных направлений — разумеется в известных пределах: люди, сочувствующие национал-социалистам и большевикам у нас писать не могут».

Известный историк М. М. Карпович, ставший единоличным редактором «Н.Ж.», начиная с 11 книги, так еще раз определил задачи издания: «На страницах нашего журнала нет и не может быть места для отрицателей свободы и проповедников нетерпимости, как нет его и для сторонников соглашательства с ними, но в этих широких пределах журнал наш предоставляет своим сотрудникам полную возможность высказывать самые разнообразно общественно-политические, философские и эстетические взгляды. Стремясь по мере наших сил и возможностей откликаться на политическую злобу дня, мы не хотим, однако, целиком уходить в злободневность, памятуя о том, что поддержание культурной традиции и признание автономии культуры являются необходимым условием духовного здоровья — и одним из могущественных средств в борьбе против тоталитарного варварства. На этих путях мы остаемся верны тому духу, в котором «Новый Журнал» был задуман».

Этому духу журнал остался верен и по сей день.

Пожелаем же «Новому Журналу» и нам всем дальнейших успехов в нашем общем деле. И будем надеяться, что настанет время, когда эта деятельность сможет быть, наконец, перенесена на свободную родину.

А. Желнин

любящих Родину — Россию веры в ее возрождение и великое будущее.

И поздравляя журнал «Часовой» и его редактора, В. В. Орехова с выходом в свет пятидесятого номера, от всей души желаем ему и впредь успеха в его работе на благо нашей Родины.

П. Анов

20 ЛЕТ РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

РНО возникло в Бельгии после окончания последней войны и первоначальной целью его была защита интересов русских эмигрантов. Большое влияние на образование РНО оказала статья, появившаяся в журнале «Часовой» 1 октября 1947 года, в которой говорилось: «...Нужно создать Российский Национальный Центр... Пора усвоить твердо, что спасение России может прийти только от самих же русских. Вся наша история говорит за то, что судьбы нашего Отечества всегда решались только нашим народом. Значит, остается одно: верить в русский народ».

Статья эта возымела свое действие: 12 октября 1947 года в Брюссель прибыли из Лондона, бывший командующий белым Северным фронтом кап. 1-го ранга Чаплин и известный политический деятель А. В. Байкалов для образования российского национального центра. Первое организационное собрание состоялось под председательством ген. Архангельского и постановило создать объединенную российскую организацию на широких общественных началах, которая получила название Российского Национального Объединения; первым председателем был избран ген. Архангельский, вскоре передавший свои обязанности Э. Э. Десфонтейнесу, а после отъезда последнего в 1949 году, председателем РНО был избран В. В. Орехов, которым он и состоит бессменно до настоящего времени.

Примеру основания РНО в Бельгии последовали русские эмигрантские группы в четырнадцать странах российского рассеяния.

РНО существует только благодаря поддержке своих членов. В политическом аспекте роль организации заключается в полной неприимости к коммунистическому режиму.

В других отраслях работа РНО заключается в социальной и юридической помощи, хлопотах перед бельгийскими и международными организациями, устройстве людей на работу, хлопотах о визах и пр., представительство перед бельгийскими властями, защите национальной России от злостных измышлений.

Проводится культурно-просветительная работа: Устная газета РНО, освещающая положение в СССР, международное положение (состоялось 96 сеансов); устройство лекций, докладов, киносеансов. Благодаря РНО существует Русский Дом, в котором

500 НОМЕРОВ «ЧАСОВОГО»

Почти сорок лет прошло с тех пор, как еще молодому тогда офицеру инженерных войск, Василию Васильевичу Орехову пришла в голову мысль основать в эмиграции журнал, который стоял бы на страже интересов утерянной нами Родины — России.

Василий Васильевич поделился этой мыслью с генералом Врангелем. Генерал Врангель, одобрил предложение Орехова, поспешил сказать, что, к сожалению, казна его пуста, очевидно, чтобы Василий Васильевич не надеялся на какую бы то ни было субсидию.

Своей энергией и при помощи единомышленников и друзей Орехову все же удалось собрать средства и журнал начал свое существование в январе 1929 года.

И вот, прошло почти сорок лет. За эти сорок лет много пришлось пережить и журналу «Часовой» и его бессменному редактору... Во время немецкой оккупации журналу пришлось временно свернуться — он был закрыт оккупационными вла-

стями за несоответствие с политикой национал-социалистической Германии. Но потом он стал выходить снова и в него включились новые сотрудники. Теперь уже «Часовой» получает статьи для напечатания и «оттуда», с Родины.

За все время своего существования журнал «Часовой» действительно оправдывает свое название — часовым стоит на страже интересов национальной России.

И что самое ценное — в «Часовом» можно найти интереснейшие обзоры недавних исторических событий, рассказывающих о таких исторических фактах и происшествиях, которые очень редко можно встретить в современной печати.

Как пример этого может быть взята статья из «Часового» № 500 «Подписание перемирия в Брест-Литовске», в которой рассказывается, с каким откровенным презрением германская делегация относилась к представителям советского правительства.

Главное же достоинство «Часового», которое несомненно оценит будущая беспристрастная история, это его забота о поддержании в сердцах

свои собрания устраивают различные русские организации; затем, благодаря РНО устраиваются паломничества в Мурмелон, на могилы русских воинов, павших во Франции в Первую мировую войну, и организация в Бельгии комитета для поддержания Храма-Памятника на этом военном русском кладбище; наблюде-

ние за русскими школами. При Русском Доме в Брюсселе находится обширная русская библиотека.

Бельгийские власти с исключительной отзывчивостью относятся к общественной работе РНО, касающейся социальной и правовой помощи русской эмиграции.

О. Ж.

РАДИОПЕРЕДАЧИ ЛИТУРГИИ

Стараниями св.-Серафимовского прихода в Нью-Йорке с 17 декабря прошлого года начались регулярные передачи по радио воскресного богослужения.

Ниже мы помещаем обращение настоятеля прихода протоиерея Александра Киселева.

Начиная с воскресенья 17 декабря 1967 года из нашей церкви по радио передается воскресная литургия в Россию. В дальнейшем один раз каждый месяц воскресная литургия будет записываться для новой передачи. Таким образом мы будем стараться донести до слуха тех, кто лишен возможности быть в храме, слова молитвы, слова литургии. Кому эти слова дороги, кто переживал горечь от невозможности их слышать, тот поймет, какое утешение принесут наши радиопередачи людям, лишенным храма. Между людьми, не имеющими возможности физического общения, остается возможность общения духовного. Как бы мы его ни назвали — нити, флюиды, молитва, — но это общение реально. На этом основано наше начинание — передача литургии полностью, как таинства. Но церковное таинство не есть только определенная формула,

но и форма, которая должна быть заполнена огнем нашей веры, нашим сердечным в нем участием. Насколько же возрастает необходимость нашей совместной молитвы, нашей горячей молитвы, когда литургия совершается преимущественно за тех, кто лишен возможности быть в храме.

Нет точных данных о числе верующих в Советской России, но по имеющимся приблизительным данным из 50-60 миллионов верующих что-то около 30 млн. не имеют никакой возможности побывать в храме. Мы не знаем, какая часть из них и как скоро узнает о наших передачах, но нам достаточно знать и то, что есть эти 30 млн. жаждающих слышать священные слова литургии.

Возможно, что наши передачи будут глушить, но и это не должно нас смущать. Знаете ли вы, что есть много католических и баптистских организаций, которые неустанно, многие годы, передают по слабым европейским станциям свое христианское слово молитвы в Россию? Неужели, зная это, мы, православные, можем остаться в бездействии?

Будем больше молиться за свой народ, и Господь откроет нам нужные двери для оказания духовной помощи многострадальным братьям нашим.

ИЗ ГЛУБИНЫ. СБОРНИК СТАТЕЙ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

А. С. Аскольдов, Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Вячеслав Иванов, А. С. Изгоев, С. А. Котляревский, В. Мурагов, П. Новгородцев, И. Покровский, Петр Струве, С. Л. Франк. Второе издание. Вступительные статьи Н. Полторацкого и Н. Струве. Париж, издат. ИМКА-Пресс, 1967, ХХП+331+5 стр.

Издание этой книги является поистине событием. Почти 50 лет сборник был фактически недоступен читателям. В России он был конфискован и, видимо, уничтожен. Но, каким-то чудом, за границу все же попало два экземпляра, которые уцелели и дали возможность сборник переиздать.

Вместо рецензии мы помещаем ниже предисловие ко второму изданию Никиты Алексеевича Струве и предисловие к первому изданию его знаменитого деда Петра Бернгардовича Струве.

А. Ж.

Пророческая книга

Судьба сборника «Из Глубины» особая: он впервые выходит свободно в свет полвека после того, как был составлен. В 1918 году, сверстаный, он был остановлен цензурой. В 1921 году, выпущенный самовольно рабочими, он был немедленно конфискован. За исключением статей Булгакова и Струве, появившихся отдельными изданиями в 1920 году и недавно опубликованной статьи Бердяева, содержание сборника оставалось неизвестным.

Революция 17-го года перед судом русской религиозно-философской и религиозно-общественной мысли — таково, сведенное к одной фразе, значение сборника. Правда, не все мыслители, давшие морально-философскую оценку событиям, приняли в нем участие: к полноте суда о Революции следовало бы присоединить свидетельства кн. Е. Трубецкого (*Звериное царство и грядущее возрождение России*), Льва Шестова (*Что такое русский большевизм?*), Льва Карсавина (*Диалоги*) и несколько особое мне-

ние, как всегда одинокого и противоречивого, В. Розанова (*Апокалипсис нашего времени*).

Поразителен — в отличие от поэтов — полный consensus русских мыслителей в восприятии Революции: лишенная всякой созидательной силы, она для всех них, с самого начала, глубочайшая духовная катастрофа.

Авторы сборника исследуют русскую Революцию в трех измерениях: в ее прошлом, настоящем и будущем.

Нигде с такой ясностью и остротой не были вскрыты те особые свойства русской души и условия русской истории, приведшие к взрыву 1917-го года.

Нигде конечная обреченность большевизма не была так глубоко проанализирована и обоснована.

Нигде страшные проявления Революции не были так ярко и беспощадно, не столько описаны, сколько предвосхищены.

«Шигалевщине» и «Гоголевским духам», провиденным Бердяевым с первых же месяцев Революции, суждена была долгая власть, принявшая неслыханные размеры. Менялись о годами взгляды некоторых авторов, в частности того же Бердяева, но революционная действительность оставалась поразительно верна их оценке и описанию.

Но не менее пророческим сборник *Из Глубины* оказался по отношению к нашему времени.

По счастливой случайности, но вероятно в силу какой-то тайной необходимости, сборник появляется накануне 50-летия Октябрьской революции.

Никакие чудеса техники, приуроченные к этому дню, никакие торжества и многочисленные брошюры, восхваляющие достижения Октября, не заглушат того глубокого кризиса, который переживает сейчас Россия. Как 50 лет назад — кучка мыслителей, так сегодня — широкие слои новой русской интеллигенции взывают *Из Глубины*. Призывом *сегодняшнего дня* — уже нашедшим себе отзвук — звучат слова В. Н. Муравьева:

«Покаяние русского народа совершится возвращением его через прошлое к будущему, что одно и то же. При свете древней истины указующей грядущий путь, русский народ познает свою внутреннюю скверну, свой грех живности, корысти, алчности и разделения».

«Познание своей скверны», через обращение к незыблемым истинам прошлого, уже началось, как показывают покаянные мотивы и защита древних ценностей у некоторых современных «советских» писателей.

Не к воображаемой молодежи, а к конкретному «советскому» юноше конца шестидесятых годов обращены слова П. Б. Струве, которым 50-летняя давность дает лишь большую силу:

«России безразлично, веришь ли ты в социализм, в республику или в общину, но ей важно, чтобы ты читл

величие ее прошлого и чаял и требовал величия для ее будущего».

И не выразил ли Булгаков последней истины сборника о будущем России, когда, в своих *Диалогах*, устами светского богослова, сказал: «В России имеет культурную будущность только то что церковно — конечно, в самом обширном смысле этого понятия?»

Этими убеждениями горят уже некоторые в теперешней России. Они найдут в сборнике подтверждение их правоты и вдохновение для их дела. Многие мучительно вопрошают себя о смысле постигших Россию событий: сборник станет частью их спора и поможет разрешить недоумения.

Есть и такие, кто еще не позволяет себе ставить вопросов: в них, будем надеяться, сборник пробудит сознание.

Но и всем, русским или иностранцам, все еще замороженным мифом социалистической революции или размывающим о его распаде, сборник необходим, как осмысление происшедшего и происходящего, как пророческое слово о грядущем религиозном возрождении России.

Никита Струве

Предисловие издателя

Сборник «Вехи», вышедший в 1909 г., был призывом и предостережением. Это предостережение, несмотря на всю вызванную им, подчас весьма яростную, реакцию и полемику, явилось на самом деле лишь робким и м. диагнозом пороков России и слабым предчувствием той моральной политической катастрофы, которая грозно обозначилась еще в 1905-1907 гг. и разразилась в 1917 году. Историк отметит, что русское образованное общество в своем большинстве не вняло обращенному к нему предостережению, не сознавая великой опасности, надвигавшейся на культуру и государство.

Большая часть участников «Вех» объединилась теперь для того, чтобы в союзе с вновь привлеченными сотрудниками, высказаться об уже совершившемся крушении — не поодиночке, а как совокупность лиц, несмотря на различия в настроениях и взглядах, переживающих одну муку и исповедующих одну веру. Взгляд одних из нас направлен непосредственно на конечные религиозные вопросы мирового и человеческого бытия, прямо указующие на Высшую Волю. Другие останавливаются на тех вопросах общественной жизни и политики, которые, не будучи вопросами общественной техники, в то же время лишь через промежуточные звенья связаны с религиозными основами жизни. Но всем авторам одинаково присуще и дорого убеждение, что *полужителны* е начала общественной жизни укоренены в глубинах религиозного сознания и что разрыв этой коренной связи есть несчастие и преступление. Как такой разрыв, они ощущают то ни с чем не сравнимое морально-политическое

крушение, которое постигло наш народ и наше государство.

Июль 1918 г. П. С.

ВЕХИ. Сборник статей о русской интеллигенции Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, А. С. Изгоева, Б. А. Кистяковского, П. Б. Струве, С. Л. Франка. Москва, 1909. Фотографическое воспроизведение, издательство «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1967, 210 стр., цена 12.- немецких марок.

Знаменитый сборник *Вехи*, выдержавший за 1909 год целый ряд изда-

ний, стал несмотря на это большой библиографической редкостью.

В России он нормальному читателю недоступен. За границей его можно было найти лишь в больших центральных библиотеках.

Поэтому мы горячо приветствуем почин издательства «Посев», сделавшего эту книгу, не утратившую своей актуальности, доступной широким кругам читателей.

О *Вехах* имеется обширная литература, и *Вехи* уже давно стали нарицательным. Писать о *Вехах* рецензию — бессмысленно. *Вехи* надо прочесть.

А. Ж.

Памяти Сергея Петровича Мельгунова

За полвека своего существования, как власть, строй и система, коммунизм знал немало внутренних раздоров и распрей, смертельной вражды, неутолимой жажды мести. Но за все время существования коммунистической диктатуры — сначала в одной, а затем и в ряде стран — не было ни одного случая, чтобы коммунисты даже враждебных между собой течений и группировок боролись друг против друга с оружием в руках, опираясь на военную помощь со стороны хотя бы только одной «капиталистической» и «империалистической» державы.

Положение это есть не что иное, как более или менее точный (но не дословный) пересказ одной из «рабочих гипотез» крупного русского историка, общественно-политического деятеля и большого русского человека, скончавшегося на чужой земле двенадцать лет тому назад, 29 мая 1956 года, — Сергея Петровича Мельгунова.

Вторая «рабочая гипотеза», разъясняющая психологическую подоплеку первой, сводилась, примерно, к следующему:

Взаимоотношения между отдельными коммунистическими государствами внутри сферы коммунистического господства и их же взаимоотношения со странами вне этой сферы, со странами некоммунистическими — это две совсем разных плоскости; более того: это два различных «измерения», в которых категории мышления двух разных «плоскостей» диаметрально противоположны.

Обеих этих «рабочих гипотез» Сергей Петрович коснулся как-то вскользь, мимоходом, в разговоре со мной лет 12-13 тому назад. Между тем, они раскрывают, в сущности, одну из самых характерных черт в облике С. П. Мельгунова — историка: его поразительную добросовестность в деле максимально точного восстановления исторических фактов, вылушивания действительных событий из нарощей на них коры слухов, догадок, сознательных и бессознательных прикрас и искажений. Для С. П.

Мельгунова — историка легенда не смела похоронить под собой факты исторической действительности.

С. П. Мельгунов был историком не только добросовестным, но и нелюбимым. Ни его политические, ни его личные симпатии не могли заставить его затушевать тот или иной очевидный исторический факт, почему-либо неприятный для кого-то (в том числе и для него самого). Его политические противники и, в особенности, друзья, не раз бросали Сергею Петровичу упрек в том, что он «выкапыванием» множества «совсем мало важных мелочей» и подробностей «искажает», например, «светлый образ Великой Февральской революции» в России, «за деревьями не видит леса». Я уже не говорю о том, какие ядовитые замечания исходили из рядов так называемой революционной демократии (правда, это касается только ничтожного меньшинства на самом левом крыле российского зарубежья) в связи с трудами С. П. Мельгунова о захвате большевиками власти в России, об убийстве царской семьи, о клеветническом навете на императрицу Александру Федоровну в «измене», о трагедии адмирала Колчака и т. д.

Нужно сказать, что никто иной, как сам Сергей Петрович постоянно повторял: «Я, строго говоря, еще не историк. Я — только летописец, собирающий достоверный фактический материал для будущего историка, способного сложить из этих фактов, как мозаику, картину целой эпохи». Признаюсь честно: мне всегда казалось, что, отдавая свой долг скромности всякого настоящего ученого, С. П. Мельгунов, тем не менее, знал и цену как себе, так и своим историческим работам. Ибо его исторические «мозаики» уже представляют собой полноценные картины данной эпохи.

Лично для меня (возможно, конечно, что это весьма субъективный подход) образ С. П. Мельгунова, как историка, неразрывно и органически связан с его обликом, как общественно-политического деятеля и как пу-

блициста, голос которого был для русского зарубежья голосом совести. Сергей Петрович обладал качеством, исключительно редким в наше время (когда сознательное искажение исторической правды прочно вошло в обиход): он умел четко отмежеваться (методологически) научную деятельность историка от публицистической и общественно-политической сферы своей жизни. Но к политике и публицисту он непременно предъявлял суровое требование: всегда и неуклонно считаться с исторической правдой.

Думаю, что не случайно темами исторических исследований С. П. Мельгунова были по преимуществу проблемы сравнительно недалекого прошлого России, — вопросы, не утратившие своей жизненности, законченные этапы еще не завершившейся эпохи русской истории. И одно, во всяком случае, очевидно: сегодня нельзя писать историю России за 1913-25 годы, не зная трудов С. П. Мельгунова об этом периоде, — как нельзя писать историю борьбы духовной элиты России против большевизма, не останавливаясь на личности Сергея Петровича, который был непримиримым борцом против советской власти. Ибо в ней С. П. Мельгунов увидел воплощение лжи, насилия, произвола и порабощения свободы человеческой личности, — т. е. все то, что чуждо и враждебно духовной сущности русского народа и его культуры. Историк Мельгунов был в этом отношении лучшей опорой для Мельгунова — политика.

Несправедливость и бесправие, произвол и насилие, поругание прав, достоинства и свободы человеческой личности — были нестерпимы С. П. Мельгунову, вызвали с его стороны инстинктивный отпор. И особенно они были ему нестерпимы в России, горячая любовь к которой определяла весь жизненный путь Сергея Петровича, как публициста и общественно-политического деятеля. Народник и социалист, С. П. Мельгунов никак не вмещался в прокрустово ложе обычных и привычных политических шаблонов и этикеток. Он был народником, так как ему было глубоко чужд и неприемлем материализм и воинствующий атеизм марксизма, лишенного чувства человечности-гуманности. Он был социалистом, но осуществление начала социальной справедливости он видел во всестороннем развитии кооперации, а не в классовой борьбе, не говоря уже о «диктатуре пролетариата».

Размеры этой статьи не позволяют мне остановиться более подробно на общественно-политическом облике С. П. Мельгунова. Скажу только, что, например, черновская формула «ни Ленин, ни Колчак» была для него нравственно неприемлемой, бессовестной. Сергей Петрович не колеблясь встал на сторону Добровольческой армии Алексея Деникина, как и на сторону Колчака в их борьбе за свободу и за Россию. И недалек уже

тот момент, когда освободившейся от коммунистического ига земле русской можно будет поведать о той непримиримой и непрестанной борьбе, которую вел С. П. Мельгунов против ее порабощителей. Ибо для него борьба с большевизмом-коммунизмом стала смыслом и содержанием всей его жизни. Эта борьба была для Сергея Петровича своего рода обетом перед Всевышним и он до конца дней своих исполнял этот обет. С. П. Мельгунов был глубоко верующим человеком; правда, он считал это личной, «интимной» сферой: для него отделение Церкви от государства было политической аксиомой, обеспечивающей свободу вероисповедания.

Отношение Сергея Петровича к основной проблеме нашего века — к вопросу безусловной ценности свободы человеческой личности, ее прав и достоинства — носит в себе все признаки религиозно-нравственного подхода и сознания. Я никогда не забуду ответов С. П. Мельгунова одному из его собеседников — иностранному журналисту, который уверовал в эволюцию и либерализацию коммунистического режима после смерти Сталина — в итоге «мирного сосуществования» с Западом:

Иностранец: «Вы, русские, не хотите удовлетворяться малым: постепенным достижением все новых и новых успехов. Вам подай: либо все, либо ничего! Торговые отношения, контакты в области обмена культурными ценностями, обмен информацией, широкое развитие туризма — это единственный путь к восстановлению свободы»...

С. П. Мельгунов: «Вы хотите торговать и обмениваться информацией с тюремщиками, устанавливать с ними «культурные» контакты. Я не сомневаюсь в том, что большевики разрешат вашим туристам осматривать дачи и санатории для тюрем-

щиков на территории гигантской тюрьмы, в которую они превратили Россию. Но тюрьма остается тюрьмой, во всяком случае для заключенных. Добейтесь права и возможности торговать с любым советским гражданином, устанавливая с ним — по его и вашему выбору — любые контакты, обмениваться с ним информацией, книгами, газетами; добейтесь для каждого советского гражданина права поездок за границу — и я буду горячим поборником «мирного сосуществования» между свободным миром и Советским Союзом... Беда только в том, что вы этого никогда не добьетесь. Советская власть кончат жизнь самоубийством не собирается»...

Думаю, что в этом разговоре (свидетелем которого я был) отразилась та основная черта общественно-политических убеждений С. П. Мельгунова, которая привлекала к нему людей, казалось бы, совсем иных взглядов. Сергей Петрович не умел кривить душой и никогда не шел на компромиссы с совестью. И никогда, ни при каких обстоятельствах, ни словом, ни делом, ни помышлением он не предал России, с историей, культурой и судьбой которой С. П. Мельгунов был связан органически, всем своим существом...

Трудно дать в нескольких словах исчерпывающую характеристику большому человеку. А что С. П. Мельгунов был большим человеком, стало ясно даже его противникам, когда он ушел из этого мира. Невольно припоминается мне и такой эпизод: кто-то из ближайших соратников С. П. Мельгунова, извиняя какую-то свою оплошность, сказал: «Один в поле не воин», — на что сразу же получил от Сергея Петровича в ответ: «Нет, и один в поле воин... если он борется за правое дело».

Анатолий Михайловский

Граф Валентин Платонович Zubov.
Страдные годы России. *Wilhelm Fink Verlag, München-Allach 1968.* 157 стр.
14.80 нем. марок.

Книга автобиографического характера, описывающая яркий период жизни автора с 1917 по 1925 гг., тесно связанный с политическими событиями того времени. Поступки Валентина Платоновича продиктованы уверенностью, что его призванием было сохранение художественных ценностей, ему доверенных. Эту задачу он бесстрашно выполнял. При этом, будучи сначала зрителем Гатчинского дворца-музея, а потом директором Института истории искусств в Петрограде, Валентин Платонович постоянно встречался не только с новыми советскими бюрократами, но и власть имущими, вплоть до Ленина. Острые объективные характеристики этих людей — одна из ценных особенностей этой

книги. В заключение нам хочется привести несколько отрывков, которые могут особенно заинтересовать наших читателей:

(Стр. 96-97) «Институт был для них (сотрудников и студентов, примечание ред.) в эти дни скорби и голода духовным центром и социальным убежищем. Мы помогали друг другу нести все тяготы времени. В течение восьми лет это был оазис в умственной пустыне, безнадежность которой ничто не может описать. Сотни лиц, которым вне наших стен угрожало физическое и нравственное оскудение, находили себе здесь духовную пищу и занятие, заставлявшее их забывать повседневные заботы, везде осаждавшие до тошноты. Здесь, погружаясь в научные и художественные интересы, они отрывались от ужаса, царившего снаружи, забывали о крови, которая там текла».

(Стр. 109) «Со времени переезда правительства в Москву, мне часто

приходилось ездить туда по делам Института. Советская бюрократия разрослась до пропорций невообразимых при старом режиме, а это много значило. У меня было впечатление, что вертится огромное бумажное колесо, похожее на колесо парижской всемирной выставки или венского Пратера, вертится впустую, без цели и результата. Всякая административная инстанция немедленно порождала две новые, с которыми нужно было «согласовать» данный вопрос, а эти две порождали каждая еще две, и так без конца, как головы гидры. К тому же бумаги, которые я привозил, неизменно терялись по пути их передвижения из одной канцелярии в другую, так что я скоро научился брать их с собой по меньшей мере в шести экземплярах. Как только я замечал, что след бумаги потерян, я пускал ей вдогонку другую, и так по нескольку раз. Както случилось, что один экземпляр вернулся с положительным решением, а другой с отрицательным».

(Стр. 110-111) «О положении Института в данное время я осведомлен отрывочно. Знаю, что его музыкальное и театральное отделения живы и находятся в том же доме; что словесное давным-давно скончалось; изобразительного в Перербурге больше нет, библиотека и научный аппарат находятся на месте, а на лестнице, где прежде стоял бронзовый Меркурий, копия с Джованни Болонья, сейчас стоит золоченый гипсовый Ленин».

(Стр. 130-131) «Над столом, из-за которого встал Маинов, (ответственный советский чиновник, прим. ред.), висела большая надпись: „Мы не мстим, а исправляем“. Из всех свойств советской власти лицемерие, ставшее мне хорошо известным за пять лет, что я работал с этим правительством, было мне самым противным. Мысленно я говорил власть имущим: „Уничтожьте ваших классовых врагов — по крайней мере ясная и понятная точка зрения, хотя взгляды на это и могут быть различны, но эта недостойная и бесцельная ложь, которой не верят ни ваши друзья, ни ваши враги, несовместима с мощным дыханием революции, это отсутствие стиля...»

(Стр. 155-156) «Одним из упреков, выдвинутых против меня со стороны коммунистов, было, что я в науке и преподавании не следовал марксизму. Честно говоря, могу утверждать, что не понимаю и не знаю, как это в отношении истории искусств можно сделать. Те, кто утверждают, что они проводят марксизм в нашей науке, лишь выкидывают акробатические фокусы и не искренни. Я мог бы взять за исходную точку старый художественный материализм середины XIX века, как его сформулировал Готфрид Земпер, выведивший все художественные формы из материала и техники. Это все же была научно построенная доктрина; мо-

жет быть, временно она была бы принята, но это не было марксизмом. Мне же претило преподавать теорию, которую я не разделял. Что же до марксизма, который стремится объяснить всякое выражение духа, — виноват, мозга, — как надстройку над экономической эволюцией, то он в применении к художественному творчеству ставит непреодолимые трудности».

С. О.

Johann von Gardner. Das Problem des altrussischen demestischen Kirchengesanges und seiner linienlosen Notation. München, Otto Sagner Verlag, 1967. (Проблема древнерусского демественного церковного пения и его безлинейной нотации). 16^о, 270 стр. + 18 таблиц.

В этой работе автор уделяет много места критическому рассмотрению всех теорий, существующих относительно почти не исследованного древнерусского церковного т. н. демественного пения. Его цель, как он говорит в вводной главе, — расчистить путь для дальнейших исследований в этой области и устранить, существующие относительно значения и происхождения демественного пения, недоразумения и ошибочные воззрения. Свои утверждения автор подкрепляет солидным критическим аппаратом. Затем автор переходит к вопросу о происхождении безлинейной демественной нотации и устанавливает ее связь с т. н. путевой и с обычной столповой (крюковой) нотациями, а также и с их древневизантийскими параллелями. Интересна схема взаимоотношений этих нотаций, представленная в виде их «родословной».

Вторую часть исследования составляет азбука и грамматика безлинейной демественной нотации. В то время, как т. н. азбуки этой системы звукописания были и раньше известны, грамматики ее не существовало, так что исследование И. А. Гарднера дает первый опыт ее систематического изложения в литературе. Появление этого труда на немецком языке и в немецком издательстве очень показательно для того интереса, который проявляют немецкие круги к древнеславянской музыкальной культуре. Исследование снабжено обширным списком русской и иностранной литературы, имеющей отношение к исследуемому вопросу.

А. Ж.

Андрей Белый. «Между двух революций». Издательство писателей, Ленинград, 1924.

Книга переиздана фотографическим способом издательством Иллинойского университета (США).

Это не только талантливое описание периода русской истории, полного трагических событий, но книга передеющая опасения автора, что свобода, добытая кровью и пулями, превратится в насилие и рабство. На фоне революционных событий Андрей Белый анализирует русский символизм, подходу с одинаковой симпатией к принявшим революцию и к ушедшим в эмиграцию.

С. О.

Henriette Mirochnitchenko. Danse et Ballet. Edition Stock, Paris, 40 иллюстраций.

Подзаглавие книги «Arts secrets de l'enchantement» — «Тайные средства очарования»

вполне оправдано тем, что автор посвящает свой труд исключительно творениям балета, выдающимся хореографам и исполнителям. После короткого исторического обзора, автор пишет с большим мастерством и знанием дела об искусстве балета, останавливается на отдельных произведениях, больших танцорах и хореографах и заканчивает книгу строками посвященными Рудольфу Нурееву, самому выдающемуся танцору современности.

С. О.

П. Н. Пагануцци. Лермонтов. Автобиографические черты в творчестве поэта. С предисловием профессора Р. В. Плетнева.

Книга издана в Монреале (Канада) на русском и английском языках. Автор Павел Николаевич Пагануцци — профессор Вермонтского университета в США, подошел к своей задаче крайне старательно и с большой любовью. Книга состоит из шести глав: «Поэт раздумий и печали», «По просторам родины великой», «Кисть и карандаш», «Женщина и поэт» и «Дуэль и смерть Лермонтова». В последней главе автор исследует причины и обстоятельства дуэли поэта, и приходит к выводу, что Лермонтов хотел избежать дуэли, и все предположения о том, что он искал смерти, провоцируя Мартынова, неверны.

С. О.

Новые Граммофонные пластинки

В СССР Всесоюзная фирма грампластинок «Мелодия» выпустила альбом с двумя долгоиграющими пластинками: «Всенощная для смешанного хора, соч. 37 С. Рахманинова». Напеты пластинки Государственным Академическим Русским хором СССР под управлением А. Свешникова. Цена альбома 25 коп., № Д 016217 — 20. На пластинках напета вся партитура Всенощной Рахманинова, с оригинальным текстом, без сокращений или изменений. Исполнение — изумительно хорошо. Насколько известно, альбом этот в странах Западной Европы и в США не находится в продаже.

*

В Америке и Европе находится в продаже граммофонная пластинка с русским церковным пением, выпущенная в Канаде, под названием: «Всенощное бдение», без указания исполняющего пластинку хора. Распространяется она как зарегистрированная в СССР. На конверте — изображение северорусской деревянной церкви со многими главками, но не имеется никаких других данных, позволяющих судить о хоре и месте съемки. Как зарегистрированная в СССР эта пластинка вызвала громадный интерес не только среди русских кругов; напета пластинка, действительно, прекрасным хором. Многие видят в ней доказательство того, что в СССР церковное пение процветает и пользуется полной свободой. Однако, при сопоставлении этой пластинки с напетой около 1956 г. хором русской православной церкви в Париже (церковь Московской юрисдикции, на Rue Petel, 5, под управлением Ф. С. Поторжинского), оказывается, что это — две идентичные пластинки! Совпадают они до мельчайших подробностей, так что сомнения не может быть в том, что выпущенная в Канаде пластинка напета не в СССР, а в Париже. Название Парижской пластинки: «Vêpres et matines». Studio SM 33-27 — PERT — 32.784 — 32.785. Пластинка изготовлена фирмой «Resonance Records».

И. Г.

ХРОНИКА

ЗАРУБЕЖНОЙ ЖИЗНИ

● 12-15 декабря 1967 г. в Мюнхене состоялся в Баварской академии наук съезд международной комиссии по исследованию древнеславянских музыкальных памятников. В съезде, созванном международным комитетом славистов, приняли участие следующие ученые специалисты, филологи-слависты и музыковеды (по алфавиту): Ф. Ганик (Вена), И. А. Гарднер (Мюнхен), А. Достал (Прага), Ю. В. Келдыш (Москва), С. Лазаров (София), Л. Мокры (Братислава), О. Струнк (Принстон, США), Н. Д. Успенский (Ленинград) и К. Флорос (Гамбург). Председательствовал известный мюнхенский славист, проф. академик Э. И. Кошмидер. Так как древнейшие письменные музыкальные памятники славян все принадлежат к церковно-певческим рукописям, то все доклады, естественно, касались этой области. Комиссией был принят ряд важных решений относительно плана и методов изучения древнеславянских музыкальных памятников. В первую очередь произвести каталогизацию и описание тех памятников, которые находятся в книгохранилищах всего мира, а также фотомеханическое издание важнейших из этих памятников. В этом издании предполагается участие всех заинтересованных Академий наук.

● В Лос-Анжелосе (США) работают две русские театральные группы: «Наш театр» и «Камерный театр». Режиссеры: Л. Ростов, Е. Кольцова, Э. Муратов, и В. Воротко. В этом сезоне ставятся «Бесприданница» Островского и «Касатка» А. Н. Толстого и, впервые переведенная на русский язык, пьеса «Парк Авеню 13» романтически-криминального характера.

● Драматический ансамбль имени В. И. Томского прекрасно провел два спектакля в помещении Латвийского клуба и в Русском клубе в Стратфильде (Австралия). Показана была комедия А. Н. Островского «Бешеные деньги». Режиссер ансамбля А. Демидов, ученик известного большого актера и режиссера Василия Ивановича Томского, играл под его руководством в 20-х годах во Владивостокском городском театре.

● Свято-Серафимовский фонд проводит в Нью-Йорке ценную культурную работу. Ниже отмечаем ряд докладов, состоявшихся в концертном зале имени Рахманинова:

3 декабря, 4 часа дня «Марина Цветаева» (к 75-летию со дня рождения), Ольга Анстей. Сбор на издание Вестника РСХД в Париже.

10 декабря, 4 часа дня «Бог в современной литературе», проф. прот. А. Шмеман. Сбор на Св.-Сергиевскую Духовную Академию в Париже.

14 января, 4 часа дня, Наследие русской религиозной мысли, проф. прот. А. Шмеман. Сбор на Св.-Сергиевскую Духовную Академию в Париже.

21 января, 4 часа дня «Происхождение и судьба русского литературного языка», проф. В. Г. Унбегаун. Сбор на издание Солженицына.

28 января, 4 часа дня, концерт: «Странички из литературного альбома» (Пушкин, Гоголь, Чайковский) Участники: Ахматова, Галина, Корми, Юренева, Боголюбов, Москаленко, у рояля: М. А. Раковская. Чистый сбор на помощь нуждающимся.

● Комитет фонда «Свободная Россия» выпустил серию марок «Писатели в борьбе за свободу творчества», доход от которых предназначается на помощь семьям арестованных писателей и на распространение их произведений в России. Серия состоит из шести

марок с портретами Ю. М. Даниэля, М. А. Наричы, В. Я. Тарсиса, А. Д. Синявского, А. С. Есенина-Вольпина и Б. Л. Пастернака. Стоимость серии — два австр. доллара. Заказы просят направлять по адресу фонда: «Unification», 497 Collins St., Melbourne, 3000, Australia.

● Принимается предварительная подписка на альманах «Мосты». Денежные переводы 5 долл. или чеки надо посылать по адресу редактора: Mr. G. Homjakov, 225 West 71 St. New York, N. Y., 10023, U.S.A.

● В связи с чествованием композитора Бориса Блахера, по случаю его 65-летия, в «Deutsche Oper» в Западном Берлине был поставлен балет «Гамлет». Постановка известного русского хореографа Татьяны Гзовской.

● Сиднейский женский хор выступил 11 ноября прошлого года в помещении Русского клуба в Сиднее (Австралия) с большим концертом. 20 участниц хора, одетых в русские народные костюмы, открыли концерт британским гимном и торжественным исполнением «Коль славы». В дальнейшей программе были исполнены: «Крестьянская пирушка» П. Чеснокова, «Не шуми ты, рожь, спелым колосом» А. Гурилева и русские народные песни: «Размахнулась песенка крылатая», «Ах ты, душечка», «Пряха», «Вейси, вейси, капустка», «Колечко», «Запрягу я тройку борзых», «Черемуха», «С прялкой девица», «Ивушка», «Лучинушка» и «Вдоль по улице молодчик идет». Вице-председатель русского клуба Г. Н. Фомин поблагодарил руководительницу хора Л. А. Приклонскую и весь хор за прекрасный концерт.

● Русский Андреевский балалаечный оркестр в Филадельфии (США) с успехом закончил прошлогодний сезон большим концертом в Пенсокене. 36 музыкантов, под руководством Анастасии Карнавай, прекрасно исполнили ряд классических произведений и русских народных песен.

● Русские певцы Элеонора Францевна Богданова и Иван Васильевич Корнилов дали в Сиднее (Австралия) концерт, посвященный классической музыке. И. В. — регент, а Э. Ф. — солистка церковного хора русской церкви в Бенкстауне.

● Под руководством Ивана Ивановича Купчика в Сан-Пауло (Бразилия) создан концертный и балетный ансамбль «Украинских казаков». Ансамбль уже дал ряд концертов в Сан-Пауло и в других городах.

● В помещении сестричества, при церкви Преподобного Сергия Радонежского в Индианополисе (Бразилия) 15 октября прошлого года состоялся концерт русского духовного оркестра «Елклар» под руководством Георгия Кусика.

● Граммофонную пластинку со старым русским гимном «Воже, царя храни» и маршем лейб-гвардии Московского полка можно получить, прислав 15 франков по адресу: Mr. G. de Richeff, 32, rue Médéric, (75) Paris 17e, France.

● Игорь Леонидович Новосильцев с большим умением и талантом составил монтаж «Летопись борьбы за Россию». Прекрасно исполненные монологи иллюстрируются многочисленными живыми картинками, сценами, хоровым пением и декламацией в исполнении русских разведчиков и разведчиц нью-йоркского и сиракузского отделений ОРЮРА

Монтаж начинается описанием последних лет императорской России, отречением Николая II и началом Белого Движения. Далее поражение Белых армий, эвакуация, этапы страдного пути: Галлиполи, Лемнос, Бизерта и продолжение борьбы из-за границы. Смерть генерала Врангеля. Похищение советской агентурой руководителей РОВСа генералов Кутепова и Миллера. Образование Русской Освободительной армии генерала Власова. Крушение этого движения и насильственная репатриация власовцев и казаков. Трагедии в Дахау, Платлинге и Лиенце. В заключение автор монтажа отмечает рост новых свободлюбивых, не останавливающихся перед самопожертвованием, сил на нашей родине. Монтаж был два раза показан с большим успехом на «Днях непримиримости», организованных русской эмиграцией в Нью-Йорке 5 ноября и в Сиракузах — 27 ноября прошлого года.

● В помещении Православного богословского института, на Сергиевском подворье (93, рю де Крими, Париж 19), общество «Икона» устроило выставку современных икон. В выставке приняли участие 15 русских иконописцев из Франции, выставивших около 120 икон. Общество «Икона» поставило себе целью сохранять старую русскую иконописную традицию, придерживающуюся строгих правил как в области техники, так и самого искусства иконописания. Члены о-ва «Икона» либо иконописцы в строгом понимании этого слова, либо знатоки и любители русского иконописного искусства. Выставка вызвала большой интерес не только у русских, но и у французов, как искусствоведов, так и широкой публики, единогласно высказавших свое одобрение тому, что столь редкая и специальная область в искусстве не умерла, а имеет по наши дни достойных мастеров.

● Н. Н. Исцеленов и З. Е. Залесская прочли 16 декабря, в церковном доме при соборе св. Александра Невского на рю Дарю в Париже, на собрании общества «Икона» доклад о «Константинопольских мозаиках».

● Художник Н. И. Желиховский выставил в ноябре пр. г. свои работы в помещении приходского дома св. -Вогородицкого Храма в Лос-Анжелосе (США). Среди работ — иконы, портреты, пейзажи, фарфор и керамика.

● Молодая русская художница Вера Коваленко выставила свои работы в галерее на рю де Вери № 36 в Париже. Картины — пейзажи южной природы.

● Профессор М. А. Полторацкая сделала 17 ноября пр. г. в «День непримиримости» в Сиракузах (США) доклад: «Человек и система по Замятину». В докладе М. А. разобрала роман Евгения Замятина «Мы».

● А. А. Мищенко прочел 10 декабря прошлого года на собрании Русской академической группы, в помещении Русской Консерватории в Париже, доклад на тему «Изнанка атомного века».

● 22 октября прошлого года профессор Владимир Васильевич Вейдле прочел доклад в малом театре «Дворца Искусств» в Брюсселе на тему «Отчего нерусские любят русское».

● 12 ноября пр. г. в Лейквуде (США), при культурно-просветительном обществе «Родина», был торжественно открыт «Русский исторический музей».

● Прошлой осенью приход собора св. Петра и Павла в Монреале (Канада) организовал ряд литературно-научных лекций. С до-

кладами выступали: архиепископ Сильвестр, протоиерей А. Шмеман, писатель Н. И. Ульянов, художник Е. К. Климов, профессор Н. В. Первушин и профессор Г. Н. Жекулин.

● Архимандрит Амвросий сделал 12 ноября, в зале Couvent des Carmes в Брюсселе, доклад на тему «Русский народ и теперь богососец». Докладчик ярко обрисовал картину жизни верующих в Советском Союзе.

● На годовом собрании «Литературного фонда» был дан отчет о сборе средства для помощи деятелям российской культуры. Сбор за 1967 г., 49-й по счету, оказался рекордным — 32.825,59 долларов, на 1/4 больше, чем за 1966 г. К указанной сумме нужно прибавить еще пожертвования, полученные уже после официального окончания сборов, в том числе и 5.000 долларов, пожертвованных Светланой Аллилуевой. За время с января по ноябрь пр. г. фондом истрачено на помощь деятелям российской культуры в изгнании, их вдовам и детям 22.800,00 долларов. Больше всего воспомоществований выдано во Франции (399), в США (183), ФРГ (86), дальше в Аргентине (50), Австрии (19), Италии (18), Англии (14), Бразилии (13), Израиле (13), Румынии (11), Бельгии (11), Швейцарии (8), Югославии (7), Марокко (6), Чили (3), Испании (3), Парагвае (2) и Иране (1). Сбор средств на 1968 г. уже начат. Пожертвования следует направлять по адресу: Liffund, 243 W 56th St., New York, N. Y. 10019. U.S.A.

● На годовом съезде Представительства российской эмиграции в США 11 ноября пр. г. пожизненным председателем Представительства, с правом самому назначать своих ближайших сотрудников, был единогласно избран князь С. С. Белосельский. Генеральный секретарь Представительства А. В. Румель отметил в своем отчетном докладе возрастающую активность Представительства в следующих областях: антикоммунистическая пропаганда; борьба с денационализацией нашего младшего поколения; издание журнала «Русское Дело»; культурно-просветительная работа, с ежемесячными концертами классической и русской народной музыки, докладами и лекциями; посильное влияние на американское общественное мнение посредством рассылки государственным, военным и политическим деятелям США обращений, содержащих критический анализ американской политики; защита свободы исповедания религий в странах с коммунистическими правительствами; борьба с применением рабского труда в СССР.

● Бывшие воспитанники Николаевской инженерной академии и училища отпраздновали в декабре пр. г. 149 годовщину со дня основания «Инженерского Замка». 7 декабря в Париже, в зале «Капонире» юбилей был отмечен молебном и традиционной трапезой.

● В 1910 г. в Бразилии появились первые русские поселенцы. В большинстве крестьяне Черниговской и Полтавской губерний. Большинство поселенцев осели в районах Рио Гранде, Санта Роза, Кампинас и Пратос. Условия жизни очень тяжелые, и колонисты и по сей день часто нуждаются в самом необходимом. Особо нужны русские книги, русские учебники, буквари, пластинки с русскими музыкальными произведениями. Также нужна детская одежда и предметы домашнего обихода. Сбором и распределением пожертвований занимается настоятель русской церкви в Рио Гранде отец Петр Заводовский. Письма просят направлять по адресу: Padre Peter Savadovsky, Rua Acores 403, Porto Alegre Rio Grande da Sul, Brazil.

На посылках обязательно надо писать «Gift», так как иначе получатель должен платить высокую пошлину, часто превышающую стоимость посылки.

● Американско-русский кредитный союз в Сан-Франциско (США) выдает ссуды под залог недвижимого имущества, на приобретение мебели, машин, всевозможного оборудования, на покупку автомобилей, на ремонт и на перестройку домов. Управляющий делами союза Л. С. Винастик принимает посетителей ежедневно в главной конторе на 5335 Geary Blvd. Кроме того открыты два филиала: в Поло-Алто, при русской церкви, под руководством А. Сомова и в Бурлингеме, под руководством А. Сергеева.

● Русский Центр в Сан-Франциско (США) приобретает в жизни русской колонии все большее значение. При Р. Ц. работают следующие организации: Русский Клуб (открыт ежедневно с 6 ч. вечера до 2 ч. утра); Спортивный зал Р. Ц. (занятия по вторникам с 7,30 до 10 ч. вечера); Музей русской культуры (открыт для посетителей по вторникам с 7 до 9 ч. вечера); Юношеская организация «Русский Сокол» под руководством старосты М. Г. Зворыкина (занятия по гимнастике по понедельникам и четвергам с 7 до 10 ч. вечера); Организация Российских Юных Разведчиков, дружина «Киев» (сборы проводятся начальником дружины Л. М. Гижицким по средам и пятницам с 7 до 11 ч. вечера в гимнастическом зале Р. Ц.).

● Бывшие офицеры и солдаты Русского Шанхайского полка отпраздновали 41 годовщину со дня основания русского отряда Шанхайского Волонтерского Корпуса. Впоследствии отряд, под командованием Семена Дмитриевича Иванова, был переформирован в полк. В течение 22 лет полк нес подчас тяжелую службу по охране, в то время международного, города Шанхая.

● Члены Союза «За свободу России» вывесили 7 ноября на балконе для публики в главном зале ООН в Нью-Йорке плакат: «Свободу России! Долой советское рабство!». Плакат был немедленно снят, а демонстранты удалены из зала охраной ООН.

● В Ментоне (Франция) поставлен памятник первому наркому просвещения Луначарскому, умершему там после продолжительного лечения в 1933 г.

● Русский кредитный союз в Сан-Франциско (США) отметил двенадцатилетие со дня основания. В 1955 г. союз насчитывал 60 членов, с общим капиталом в 2990 долларов. Спустя 12 лет число членов возросло до 3.400, а капитал — до 2.500.000. Председателем союза избран В.И. Дмитриев.

● По случаю исполняющегося в 1968 г. пятидесятилетия со дня убийства последнего российского императора Николая II, в Париже, в июле месяце с. г., состоится большое траурное собрание. Устроители-члены «Союза ревнителей священной памяти Императора Николая II» приглашают все русские организации к участию в собрании. Соответствующее обращение подписано председателем союза генерал-майором С. Позднышевым и генер. секретарем ротмистром А. Тучковым. Адрес союза: 29, rue du Pavillon, 92 — Boulogne (Seine), France.

● Уже много лет Кирилл Кондзеровский, проживающий ныне в Бове (Франция), собирает оловянных солдат эпохи Наполеона I. Им построена диорама первого дня лейпцигского сражения. Размер диорамы — 12 кв. м. Она строилась в течение 2 лет по историческим данным, взятым из 14 книг русских, французских, германских и австрийских авторов.

● Культурно-просветительное общество «Встреча» в Лондоне (Онтарио - Канада) из-

дало сборник «Канада 1867-1967», в котором описывается жизнь русских в Канаде.

● Общество помощи русским детям устроило 7 октября пр. г., в помещении Армянского клуба в Сан-Пауло (Бразилия), большой благотворительный бал.

● Двадцать лет тому назад было создано Объединение Молодежи Витязей. В эту новую организацию вошли витязи, вышедшие из юношеского возраста. Для оценки этих 20 лет предоставляем слово редакции журнала «Витязь», издаваемого Объединением: «Двадцать лет прошло с тех пор, как в рядах Национальной Организации Витязей было создано Объединение Молодежи Витязей (ОМВ). Но создание новой организации не могло определить с самого начала направление деятельности. На это потребовались последовательный опыт, исправление ошибок, устойчивость и... время. В результате оформился образ кружковой работы, сочетающий интересы и потребности молодежи с девизом Организации «За Русь, за Веру» и с требованиями жизни. Как и всякий творческий путь, наш был усеян трудностями. Ведь естественно, особенно при нашем русском характере, что у молодого человека минуты энтузиазма чередуются с переоценкой ценностей, с падением духа, с переходом из состояния «жара» в безразличную «теплоту». Естественно также, что юный энтузиазм может соблазняться предлагаемым извне «активизмом», якобы более полноценным служением России. Мы решительно отказываемся от этих крайностей. Мы верим, что укрепление нашего русского самосознания, развитие знаний о прошлой и настоящей России, углубление христианской веры, передача этих высших духовных ценностей и окружающим нас иностранцам, и встречаемым порой соотечественникам «оттуда» — самый полезный и целесообразный вклад в дело духовного освобождения России. Двадцать лет, это совершеннолетие и нас, — участников, и нашего Объединения. Мы выросли со своим идеалом, и будем продолжать проводить его в жизнь».

● Организация «Объединение молодежи Витязей» в Париже закончила прошлый год рядом интересных докладов, прочитанных в Доме Белого Воина: 1 ноября — «Максим Горький» — А. Зеленская; 8 ноября — «Исторический смысл возникновения витязей» — Ренненкампф; 15 ноября — «Народы Кавказа» — проф. А. Толчибаши; 22 ноября — «Столыпин» — Кочубей; 29 ноября — «Пастернак» — Елена Шмеман; 13 декабря — «Иностранцы о России» — проф. П. Е. Ковалевский. 1968 г. был начат исключительно удачно: 9 января — «Тютчев» — А. Федоров; 27 января — «Русские портретисты» — О. Оболенская. В марте будут прочитаны доклады: 12 марта — «Доисторическая Россия» — П. Трубицкий; 26 марта — «Обзор русской музыки» — Н. Иванов.

● «Общество содействия образованию русских детей и молодежи» в Мюнхене и в этом году устраивает на даче общества в Эберсберге летний лагерь. С 6 по 13 апреля для старших, и с 1 по 10 июня для младших учащихся. В остальное время отдельные комнаты сдаются русским семьям. За справками обращайтесь в бюро общества по адресу: 8 München 27, Buschingstr. 50.

● 6-я западноевропейская встреча изучающих русский язык состоится с 18.8. по 6.9. с. г. в «Haus der Begegnung» в Кенигштейне (ФРГ). Участники ожидают из 14 государств. На встрече будет прочитан ряд докладов по вопросам русской культуры, истории и о положении в Советском Союзе. Плата за участие — ДМ 35.-. Адрес организаторов встречи: Deutsche Gesellschaft für Russlandkunde. 638 Bad Homburg, Steinkaufstr. 38.

● Сиднейские скауты НОРСа отметили «День матери» постановкой детской оперетки «Репка». Спектакль под руководством М. Н. Световой состоялся 3 декабря пр. г. в прицерковном зале Св.-Петропавловского Собора в Стратфильде (Австралия).

● Субботняя школа Общества содействия образованию русских детей и молодежи в Мюнхене (ФРГ) переезжает в новое помещение на Вернекштрассе 17, которое необходимо частично перестроить и отремонтировать. Посильную денежную помощь просят направлять с пометкой «на ремонт» по адресу: Konto 860850 des Vereins zur Förderung der Ausbildung von Kindern aus dem russischen Sprachgebiet, bei der Bayerischen Vereinsbank, München 27, Mauerkircherstrasse 2. Занятия в новом помещении начнутся весной с. г.

● В Конгрессе США в данное время рассматривается ряд законопроектов о школах для детей, родным языком которых является не английский. Считается, что пренебрежение родным языком наносит ребенку и государству большой ущерб. Предлагаемые «двуязычные» школы должны помочь сохранить и развить имеющиеся в стране ресурсы языков. Чиновник Государственного Департамента образования доктор Брус Гаардер указал на то, что в США ежегодно тратятся миллионы долларов на изучение иностранных языков и ничего не делается для того, чтобы сохранить у миллионов де-

Одна из задач «Зарубежья» как можно шире освещать жизнь, деятельность и творчество зарубежной России в ее целом.

Редакция обращается поэтому ко всем читателям журнала с просьбой присылать нам информационный материал о событиях из жизни эмиграции. С этой же просьбой редакция обращается и ко всем организациям, учреждениям и издательствам нашего русского рассеяния.

тей знание их родного языка. Надо полагать, что в недалеком будущем в США будет создан новый тип школы, в которой преподавание будет вестись по-английски и на родном языке ребенка. Нам, конечно, интересуют русско-английские школы и вопрос обеспечения их педагогическим персоналом.

● Зимний лагерь европейского отдела ОРЮРа собрал в этом году 40 участников из ФРГ и Франции. В живописном местечке Урфельд в баварских Альпах с 26.12.67 по 3.1.68 русские разведчики и разведчицы провели интенсивные занятия по скаутской практике и зимнему спорту. Кроме того были организованы регулярные занятия по рождению и Закону Божию и состоялись следующие доклады-беседы: «Марксизм-ленинизм» — В. Пирожкова, «Причины и истоки русской революции» — А. Пуриков, «Властосовское движение» — С. Фрелих, «Комсомол и пионеры» — М. Парфенов, «Участие русских во французской организации сопротивления» — А. Жиделякин и А. Лафон, «Молодежь в Советском Союзе» — Ю. Марин. Духовник лагеря иеромонах о. Герасим провел ряд бесед на духовные темы. Лагерем руководил скаутмастер М. Парфенов.

● Европейское представительство Организации Российских Патриотических Разведчиков (ОРПР) устраивает летом 1968 г. на юге Франции, в Каннах, съезд русской право-

славной молодежи. Съезд продолжится около 14 дней. Число участников ограничено 50-ю. Участниками могут быть девушки и молодые люди от 14 до 20 лет, по рекомендации русских церковных, военных или общественных организаций. Плата за пребывание на съезде — 12-14 франц. франков в день. Программа съезда будет проведена согласно принципам Русских Разведчиков. Подготовительную работу взял на себя настоятель храма св. Архистратига Михаила в Каннах отец Игорь. Запросы просят направлять по адресу: Rev. Pere Igor Douloff, Eglise St. Michel, 30, Bd. Alexandre III. 06— Cannes, France.

● Председатель организации «Орел» сообщает, что открыт прием заявлений на участие в лагере молодежи на лето 1968 г. Справки по адресу: Association «Orel», 41, Villa D'Alsia, Paris (14).

● Как каждый год, сбор средств в пользу созданного С. М. Зерновой русского детского дома в Монжероне (Франция) закончился большим Рождественским базаром, состоявшимся 2 и 3 декабря в помещении Шелль в Париже. Как известно, и Светлана Аллилуева пожертвовала в этом году крупную сумму на нужды детского дома.

● Несколько лет тому назад Русское Влаторительное Общество в Сиднее (Австралия) построило в поселке Кабраматт на участке, приобретенном на средства А. И. Бежаловой и Г. Е. Родионова, первый дом для престарелых русских. Сегодня около большого дома, над входом которого надпись «Дом престарелых имени Св. Преподобного Сергия Радонежского», разбросано много небольших домиков. Вблизи достраивается храм — собор Покрова Пресвятой Богородицы, в котором уже совершаются богослужения. На недавно купленном участке РБО начинает постройку больницы для больных хроническими болезнями.

● Во время наводнения в Буэнос-Айресе пострадало много русских. Некоторые находятся в крайне бедственном положении. Толстовский Фонд организует помощь и просит присылать денежные пожертвования, одежду, одеяла и т. п. по адресу фонда: 250 West 57 St., New York. U.S.A.

● Русская Православная Зарубежная церковь владеет в настоящее время в Израиле тремя большими монастырями, несколькими храмами и другим недвижимым имуществом. Наибольшим монастырем является Елеонский, в котором живут 100 монахинь. В монастыре храм Вознесения Христова, больница, гостиница, старческий дом, иконописная и другие мастерские. Второй монастырь с примерно 40 монахинями, находится в Гефсиманском саду. В нем церковь Св. Марии Магдалины, с иконами написанными Верещагиным. В Вифании находится школа для девочек. Третий Монастырь — на Хевроне. В Иерусалиме Зарубежной церкви принадлежит Александровское подворье с храмом во имя св. Александра Невского. При подворье имеется дом для паломников. В настоящее время необходимо провести строительные работы в связи с разрушениями, причиненными войной. Нужные на это средства еще не собраны.

● Епископ Мефодий собирает пожертвования на нужды русских обитателей и церковей на Святой Земле. Пожертвования просят направлять по адресу: Mgr. Methode. 7-bis, rue de Bois 92, Asnières, (Seine), France.

● Попечительство о нуждах Русской Православной Церкви за границей собрало и передало архиепископу Женевскому и Западно-Европейскому Антонию свыше 11.000 долла-

ров, предназначенных на покрытие расходов Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

● Русский православный Лесненский монастырь переведен 1 ноября пр. г. из Фурке (Франция) в приобретенную в собственность усадьбу вблизи Провемонта. Новый адрес обители: Couvent de la St. Vierge de Lesno, 27 Provemont par Etrepagny, France.

● С 15 по 31 июля с. г. епископ Мефодий организует 15 по счету православное русское паломничество в Святую Землю: 15.7. отлет из Парижа в Лидду (Израиль). Посещение храма св. великомученика Георгия в Лидде. Переезд в Назарет 16. и 17.7 посещение святых мест Галилеи. 18.7. переезд из Назарета в Вифанию, где паломники будут жить в русской монастырской школе. От 19 до 30.7. — посещение святых мест в Иерусалиме, Вифлиеме, Гефсимании, Елеоне и др. 31.7. — отлет из Лидды в Париж. Стоимость поездки, включая питание — 289 долларов. Записавшимся на паломничество будет выдано точное расписание поездки. За справками обращаться по адресу: Mgr. Methode. 7 bis, rue de Bois, 92 Asnières, (Seine), France.

Начиная с 1968 года «Зарубежье» будет издаваться четыре раза в год, но каждый номер будет содержать 24 страницы, а не как до сих пор только 16.

Редакция

● В Свято-Николаевском Храме-Памятнике в Вашингтоне 7 ноября пр. г. состоялась панихида по всем православным людям, отдавшим свои жизни за веру и правду в течение последних 50 лет. Панихиду служил митрополит Ирины в сослужении с архиепископом Иоанном Сан-Францисским, протопресвитером И. Пиштей, митр. прот. А. Шмеманом, прот. Г. Венингеном, прот. П. Лютовым и протодиаконом В. Малашкевичем. В проповеди прот. Александр Шмеман говорил об единственном случае в истории человечества: объявлении государством войны Богу.

● 6 ноября пр. г. в Мадриде была отслужена торжественная панихида по всем павшим в Российской смуте и в рассеянии скончавшимся. Церковь, помещающаяся в маленьком особняке, полностью отремонтирована на средства, собранные прихожанами.

Редактирует коллегия
Редактор В. Сорокин
Секретарь редакции А. Желнин

Перепечатка разрешается,
но с указанием источника.

Почтовый адрес:
SARUBESCHIE
8 München 27
Postfach 16

Банковский счет № 30 / 90 246
Neuvians, Reuschel & Co.
8 München 27, Ismaningerstr. 98

Verantwortlich für den Inhalt
V. Sorokin

Druck: «ISKRA», München 12, Parkstr. 7, Rgb.